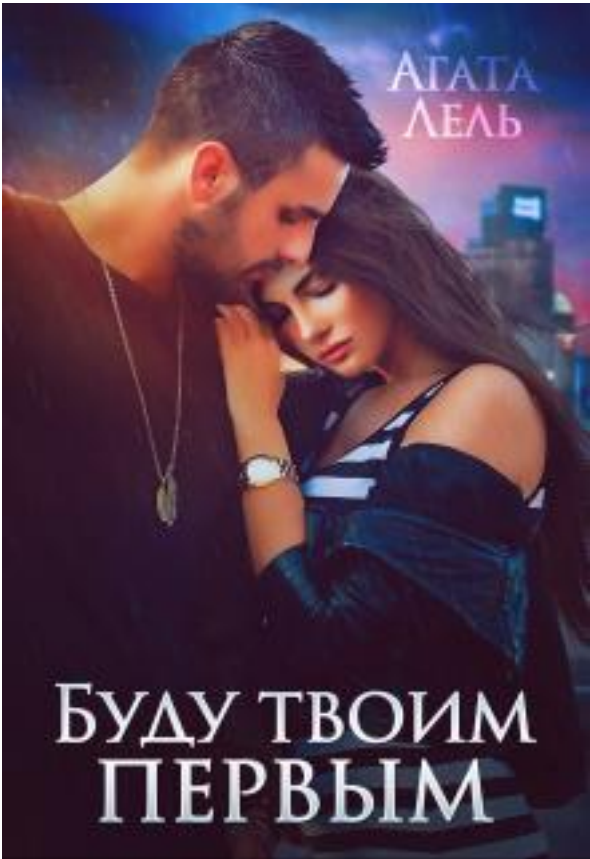

A romantic couple is shown in a close embrace. The man, on the left, has short dark hair and a beard, and is wearing a dark t-shirt and a long necklace with a large pendant. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing a black and white striped top. They are both looking down, and the woman is resting her head on the man's chest. The background is a blurred cityscape at night with lights and a building visible. The overall mood is intimate and romantic.

АГАТА
ЛЕЛЬ

БУДУ ТВОИМ
ПЕРВЫМ

Агата Лель

Буду твоим первым

<https://litres.ru/74463623>

Аннотация

Она – восемнадцатилетняя дочь известного бизнесмена, привыкшая к роскоши и вседозволенности. Он – опытный боец ОМОНа, с поистине стальным характером. После покушения он должен охранять ее от плохих людей, но чем больше времени они проводят наедине, вдвоем, оторванные от цивилизации, тем острее она осознает, что нет никакой гарантии, что он сам – хороший...

Однотомник! ♦ очень эмоционально ♦ противостояние характеров ♦ постепенное сближение героев

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	14
Часть 3	22
Часть 4	28
Часть 5	33
Часть 6	44
Часть 7	52
Часть 8	63
Часть 9	69
Часть 10	81
Часть 11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Часть 1

Я разлепила чуть опухшие веки и, прилагая невероятные усилия, подняла голову от шершавой обивки автомобильного кресла. Что сразу же отразилось дикой болью в висках. Действительно дикой, словно в черепную коробку запустили рой озлобленных пчёл.

— Меня что, вырубило? — прохрипела я, обращаясь к мужчине за рулём дребезжащей колымаги. Я не видела его лица, только короткостриженный тёмный затылок и плечи, обтянутые грубой тканью "штурмана". Так, по-моему, называются куртки парней из спецназа.

— Да, минут сорок спала точно, — ответил он низким голосом, и я поймала в зеркале его взгляд. Чёрные глаза. Как ночь. И до неприятных мурашек внимательные.

От неудобной позы эмбриона тело затекло, ломило каждую косточку и каждый сустав. Я аккуратно села и пошевелила ватными конечностями, проверяя, не сломал ли мне чего этот бугай, когда грубо схватил на руки и потащил через чёрный ход "Райской пыли" в свою машину.

Даже нет, не на руки – просто перекинул через плечо словно мешок с дерьмом.

Со мной никто и никогда так не обращался.

— Пить хочу, — горло ужасно саднило, словно кто-то затолкал туда груды песка. — Есть здесь вода?

Неизвестный протянул руку и не глядя взял с пустующего соседнего кресла крошечную бутылку минеральной воды. И, по-прежнему не оборачиваясь, передал мне.

Руки были реально слабыми, открыть крышку получилось не сразу, но как только вышло, я тут же, как жаждущий путник в пустыне, принялась пить и не остановилась, пока не осушила всю бутылку.

Кажется, зря я это сделала – желудок тут же скрутило спазмом тошноты, и пришлось хорошо постараться, чтобы сдержатъ позывы.

Откинув больную голову на спинку кресла, я попыталась дышать глубоко и размеренно, а ещё из всех сил старалась не реветь. Саркисовы не распускают сопли. Никогда! Чёрт с ними, макияжем и драными чулками, плевать на забытую в ночном клубе сумку – я хочу домой. Просто домой, пожалуйста.

Пусть это будет сон.

Сон... кажется, я снова вздремнула. Всего на чуть-чуть, и очнулась, когда почувствовала, что машина остановилась.

— Приехали, — проговорил мужчина, и я открыла глаза. Несколько раз моргнула, пытаюсь поймать фокус хоть на чём-то, но это мне не удалось – кругом было абсолютно темно. И тихо. Как в могиле.

— Куда приехали? — сипло спросила я. — Домой? Вы же сказали, что отвезёте меня к отцу!

— Нет, не домой. Туда ты попадёшь ещё не скоро, — мяг-

ко возразил он и, положив обтянутую чёрной перчаткой ладонь на спинку кресла, обернулся: — Выходи из машины.

Несколькими часами ранее

— Ура-а, зажжём, девчонки! — проорала Лиза, не глядя наполняя бокалы. Хлопья белой пены падали прямо на стол и закуску, девчонки смеялись, спасая свои айфоны.

Первый курс универа за спиной, мы это сделали!

— Адель! Ты чего там зависла? Иди сюда! — перекрикивая музыку, попыталась достучаться до меня подруга, но я лишь махнула рукой, прячась от грохота за колонной.

Огни стробоскопа долбили по глазам, а басы – по ушам, непослушные пальцы всё время норовили попасть мимо нужной кнопки.

"Ну где ты? Я жду!"

"Прости, зай, пробки. Скоро буду"

"Какие ещё пробки? Ты время видел?"

Сообщение прочитано, но ответа не последовало.

Я была готова зарычать от злости, а ещё лучше – обложить Архипа отборным матом. Мы же договорились встретиться в "Райской пыли", отметить завершение учебного года.

Наверняка гоняет сейчас с пацанами на своих дурацких заниженных тачках и не успокоится, пока не размотает по трассе! Просила меня его мама как-то повлиять, да только

как – непробиваемый.

— Да и пошёл ты к чёрту! — зло пробубнила я и, вырубив телефон, бросила в сумку.

Пусть звонит сколько влезет, а приедет – сразу уйду. Надоело такое скотское отношение.

Мы вместе с Архипом уже пару месяцев, родители не одну бутылку коньяка уговорили, отмечая наше грядущее сватовство. Ещё бы, наши отцы друзья с детства, у каждого свой процветающий бизнес: у моего – крупная фармацевтическая компания, у Дмитрия Владимировича – сырьё. Сплотить – целая империя получится.

"Весь город под себя подомнём, Мушег", — мечтал отец Архипа, помешивая кочергой угли в мангале на заднем дворе нашего загородного дома. Вот ещё буквально вчера. А уже сегодня... Да пошли они в задницу со своим сыночком! Никогда не выносила мажоров, и вот он – получите, распишитесь. Пусть сами за него замуж выходят и империю возводят.

А я буду веселиться.

— А где мой фужер? — я подошла к девчонкам, и в руки мне сразу же пихнули чуть липкий от разлитого содержимого бокал.

— Всё никак не разберётесь? — скривилась Лиза, закатив глаза. — Шли его лесом, чего тянешь!

— Да уже, — я махнула рукой и кинула на кресло сумку. — Ну что, за окончание учебного года?

— Да-а-а! — заорали девчонки, поднимая свои стаканы,

вновь расплёскивая пену на стол.

Мне всего лишь восемнадцать, сдался мне этот Архип? Пусть тачки свои объезжает, а в отношении меня – перебьётся. Я уж думала на свой день рождения номер в "Империа-ле" снять, сюрприз ему сделать. Вроде как созрела перейти на новый взрослый уровень отношений...

Всё, надоело!

От принятого решения сразу стало весело и легко, даже желание включить телефон и "одним глазком хотя бы" куда-то испарилось.

Сегодня начинается моя новая жизнь! Всё-всё будет по-другому!

— Давайте ещё закажем – и танцевать? — покачиваясь под ритмы модного диджея, предложила я, и все с радостью идею поддержали. Гулять так гулять!

Повисшее в воздухе мутное облако я увидела не сразу, только почувствовала першение в горле и набегающие ни с того ни сего слёзы. Ну мало ли, там кальянная наверху... А потом кто-то заорал "Это же газ! Дотропил!", и все резко повскакивали со своих мест, стали закрывать лица чем придётся: салфетками, куртками, Лизка – подолом платья. Началось подобие паники, суета какая-то, люди разом рванули к выходу.

А потом раздался выстрел, и вообще началось такое! Визг, мат, слышался звон стекла и грохот падающей мебели. То ли кто-то дрался, то ли просто в панике люди натыкались

друг на друга и сбивали всё, что попадалось на пути.

Мне было страшно, но больше оттого, что я ничего не вижу. Лицо было залито слезами, я пыталась куда-то идти, но, конечно, споткнулась и упала, кто-то сильно наступил мне на ногу в районе лодыжки.

В голове мелькнуло страшное слово "давка".

Что происходит вообще? Это же один из самых дорогих клубов города, где эта чёртова охрана ?!

Раздался ещё один выстрел, и стало страшно по-настоящему. Словно в каком-то жутком кино, где ты в главной роли и всё происходящее вокруг - не декорации. Где смерть - реальна.

Не знаю, как я смогла подняться - каким-то чудом, не иначе. Я не знала, где наш стол, попробовала раскрыть слезящиеся глаза, но не увидела ничего кроме темноты.

Господи, я что, ослепла ?!

- Свет! Что со светом ?! - проорал кто-то наверху. - Врубай генератор! Что за ...

Меня снова сильно толкнули, и я поняла, что неизбежно, только вместо твёрдого пола ощутила на своей пояснице чьи-то руки. А потом к лицу прислонилось что-то холодное...

Я подумала, что меня душат, начала визжать и отбиваться — хотя толку, стояла такая вакханалия, что никому до меня не было никакого дела.

Я умру. Меня хотят убить! — мелькнула ещё одна ужасная мысль, но мужской голос возле уха попытался развеять

мои страхи:

— Не дёргайся, это кислородная маска! Дыши! — приказал он, и я послушно задышала. Всё равно не было другого выхода.

Потом обладатель голоса поднял меня на руки и перекинул через плечо. Шел он быстро, и судя по его уверенным шагам — он знал, куда двигается. Какой-то коридор, ступеньки, скрип двери и свежий ночной воздух.

— Куда вы меня тащите? Отпустите! Слышите?!

— Дыши! — отдал он ещё один приказ, и я приложила к носу маску. Лёгким действительно стало заметно легче, но липкий страх всё равно не отпустил.

— Вы кто такой?

— Я от твоего отца.

Господи, какое счастье, папочка! Я готова была разрыдаться от облегчения, если бы уже не рыдала от того вонючего газа.

Я знала, что папа не бросит меня. Знала!

А потом до меня дошло...

— Какого ещё отца? Откуда он мог знать обо всём, что здесь произойдёт? Его там не было, он дома! Отпустите меня сейчас же! - я что есть силы заколотила кулаками по его спине. — Вы хоть осознаёте с кем связались? Да когда мой папа узнает, что его единственная дочь пропала, он поставит на уши весь город!

Вместо ответа неизвестный аккуратно опустил меня на

землю и, положив ладонь на мою макушку, тем самым пригнув голову, подтолкнул в салон автомобиля.

— Садись в машину.

— Никуда я с вами не поеду!

— Садись, я сказал. Я отвезу тебя домой. На тебя готовилось покушение, твой отец узнал об этом совсем недавно. И он отправил меня к тебе.

— Что? Какое покушение? Что за глупости? — начала сыпать вопросами я, но в машину всё-таки села. В салоне пахло хвоей и старой резиной. Я то и дело вытирала глаза, моргала, стараясь привести зрение в норму, но видела всё равно крайне паршиво.

Когда "спаситель" сел за руль и завёл двигатель, продолжила расспросы:

— Кто покушался на меня? Почему?

— Давай позже поговорим, хорошо? У тебя голосовые связки обожжены газом, тебе нужно немного помолчать.

Мне понравился его голос: грубый, но в то же время мягкий. Спокойный. Странное сочетание. Повинуясь его магии, я на минуту заткнулась, но думать не переставала. Сопоставлять.

Кто мог покушаться на меня? Кому я нужна?

Да, характер у меня не сахар, но врагов никогда не было. Нет бывших, кто хотел бы мне отомстить, нет их мстительных жён и тех, у кого я отбивала парней. Потому что я никогда никого не отбивала!

А может... отец. Это как-то связано с бизнесом отца.

Такая мысль у меня тоже возникла не на пустом месте, потому что эта тема поднималась в нашем доме неоднократно. Мой отец помешан на охране, понатыкал во всем доме камеры наблюдения, но больше всего он волновался за меня — мало ли что? Мир бизнеса очень жесток, и пусть сейчас давно не девяностые, но всё равно он переживал: вдруг подожгут дом или взорвут машину, или сделают что-то мне. Он и замуж хотел меня поскорее сплавить, чтобы я была уже пристроена и не ходила по клубам "в поисках приключений".

Неужели они что-то не поделили с кем-то из конкурентов?

И что хотели эти люди? Просто припугнуть или...

— На, выпей, станет лучше, — проговорил мужчина, но я лишь замотала головой. Даже руки на груди скрестила.

— Не буду я ничего пить! Меня с детства учили ничего не брать у незнакомцев.

— Адель, прекращай, — тяжело выдохнул он. Как строгий отец-учитель, недовольный поведением строптивого ребёнка. — Если ты не выпьешь это, тебя скоро сильно затошнит. Дотропил очень коварный газ. Просто поверь мне на слово. Протяни руку, давай.

Я решила больше не артачиться и, подсматривая сквозь щёлки между распухшими веками, протянула ладонь, в которую мне вложили крошечную таблетку и бумажный стакан воды.

— Держишь?

— Держу.

— Пей.

— Я могу позвонить папе?

— Конечно. Но это необязательно, скоро ты его увидишь.

Он сказал это так уверенно, что я слепо поверила каждому его слову. Причём слепо – в самом прямом смысле.

Я ужасно себя чувствовала, болела лодыжка, на которую мне кто-то наступил, болело горло и голова. Очень хотелось спать. А после того, как выпила таблетку, захотела ещё сильнее.

— Приляг на сиденье, если хочешь, там есть плед, — мягкий баритон уже окутал сознание словно тёплое пуховое одеяло. Я сбросила туфли и, скрючившись, легла на бок.

И моментально заснула.

Часть 2

— Приехали, — проговорил мужчина, и я открыла глаза. Несколько раз моргнула, пытаясь поймать фокус хоть на чём-то, но это мне не удалось — кругом было абсолютно темно. И тихо. Как в могиле.

— Куда приехали? — сипло спросила я. — Домой? Вы же сказали, что отвезёте меня к отцу!

— Нет, не домой. Туда ты попадёшь ещё не скоро, — мягко возразил он и, положив обтянутую чёрной перчаткой ладонь на спинку кресла, обернулся: — Выходи из машины.

— То есть: я не скоро попаду домой? — сказанное им доходило плохо, мозг ещё не проснулся, и плюс ко всему я по-прежнему нечётко видела. — Ты же сказал...

— Планы поменялись, сейчас туда пока нельзя, — спокойно констатировал он, что сразу же вызвало внутри меня волну небывалой агрессии.

— Как это нельзя? В каком смысле?!

— В самом прямом. Нельзя домой, это большой риск.

— Да с чего вдруг?! У отца отличная служба безопасности, я запрусь в своей комнате, и ни одна мышь не проскочит! Ты знаешь, какая у нас система охраны? Пентагон отдыхает! Вези меня домой немедленно!

— Можешь говорить ещё громче?

— Чего?

— Просто ты так кричишь, как будто у меня проблемы со слухом.

И снова этот тон – спокойный, размеренный... Мне даже стало неловко за свою несдержанность. А ещё поняла, что незаметно для себя перешла с ним на "ты"...

Зрение потихоньку вернулось, по крайней мере, глаза уже не слезились, но мужчину я по-прежнему не могла толком рассмотреть – его лицо оставалось в тени.

— Ладно, хорошо, допустим, надо мной нависла, — я сделала пальцами кавычки, — какая-то "ужасная" угроза, кто-то хочет мне навредить и всё такое. Тогда где вооружённая охрана? Где забор с колючей проволокой? Судя по тому, что я вижу – мы в каком-то лесу!

— Может, потому что мы в лесу?

На секунду я зависла. Потом обернулась и, стерев с запотевшего стекла влагу, уткнулась носом в окно.

Реально – лес. Одни деревья кругом, совершенно чёрные в этот час, и такое же чёрное небо.

— И что мы здесь делаем?

— Спасаем тебя от "ужасной" угрозы.

Да он издевается надо мной!

Я шумно выдохнула. Спокойствие, Адель.

— Хорошо. А где все?

— Кто – все?

— Ну, другие люди, охрана, собаки, не знаю.

— А тебе мало меня одного?

Вопрос застал врасплох, и почему-то только сейчас по интонации его голоса я вдруг поняла, что это не мужчина. Ну, то есть не взрослый мужчина, не как мой отец, которому за пятьдесят. Моложе. Не мой ровесник точно, но и не старик.

Данный факт немного смутил.

— Пойдём, ночи тут прохладные, — проговорил он и открыл свою дверь. Салон сразу же заполнили аромат хвои и тихое дыхание леса. Шум ветра, шорох травинок, вскрики каких-то редких ночных птиц.

Спаситель обошёл капот и открыл дверь с моей стороны, даже руку подал. Его ладонь была сухой и слегка грубой, и только чуть позже до меня дошло, что это перчатка.

Какой галантный у меня секьюрити, однако. Хотя неудивительно, в своем штате папа всякое быдло не держит.

Я вылезла из салона, и от обилия озона даже закружилась голова. Я никогда не была в настоящем диком лесу, а сейчас, кажется, мы именно здесь. Ничего же кругом, ни одного огонька, только стена чёрных, как сама ночь, деревьев. И небольшой дом прямо напротив. Тоже совершенно тёмный.

— Так кто на меня всё-таки покушался? — спросила я, рассматривая лачугу. Страшно не было, ведь это человек папы, а своим людям отец доверяет как себе. — Кто такой бессмертный?

— Давай поговорим об этом позже, хорошо? Мы оба устали.

— Я выпалась!

— А я – нет. Осторожно, порог, — он помог мне преодолеть ступеньку, и мы сразу же очутились возле на удивление добротной двери с хорошим современным замком. В этой-то глуши.

Хотя кто знает, может, это не глушь. Ни черта же не видно.

Я снова с любопытством осмотрелась по сторонам. Деревья, деревья. Одни деревья... Тоска.

— О'кей, не сегодня. Значит, мы поедem домой завтра?

— Вряд ли.

— А когда? У меня на завтра назначен маникюр! В одиннадцатнадцать пятнадцать.

— Придётся как-то это пережить.

— Но мой мастер...

— Адель, — он развернулся и уставился на меня тёмными глазами. — Тебя сегодня хотели убить, понимаешь? Убить. Поэтому, если хочешь ещё побегать по салонам, просто слушай меня и не задавай лишних вопросов. В противном случае на том свете маникюр тебе просто не понадобится.

Я заткнулась. Он сказал это так, что я поверила. Хотя очень сложно верить во что-то плохое, когда с самого рождения тебя берегли словно редкий цветок. Когда окружали заботой и давали всё, что только пожелаешь.

Ну какие покушения, когда с тебя пылинки всю жизнь сдували?!

Хотя произошедшее сегодня вечером в "Пыли" мигom

отрезвило. Там же реально стреляли. И вдруг... в меня?

Верить в это было тяжело, но я здесь, а стало быть, всё на самом деле серьёзно.

Мы вошли в тёмный дом, и первое, что произвело впечатление – это запах. Пахло чуть сыроватыми брёвнами, прямо как у нас в поленице на заднем дворе. Отец обожает баню и всегда закупает только лучшие сорта древесины для розжига.

Здесь пахло точно так же, и это немного приободрило.

— А где тут выключатель? — я ощупала ладонью стену. Очень хотелось взглянуть на обстановку и своего спасителя.
— Как включить свет?

— Света нет, — ровно ответил он. — Ничего не работает.

— А интернет?

Я не видела выражение его лица, и, наверное, к счастью. Вот ступила! Это всё волнение. И немного страх. Потому что как бы я ни старалась храбриться, ситуация выбивала из колеи и вносила в душу тревожную смуту. На меня никогда не покушались. И никогда не спасали такие загадочные спецназовцы.

— Ну а папе хоть можно позвонить?

— Пока нет, — отрезал он, расстёгивая куртку. Молния вжикнула оглушающе громко, и я впервые подумала о том, что мы тут, по ходу, реально вдвоем.

Одни в каком-то лесном доме.

Я и совершенно незнакомый мужик...

— Вон там твоя комната, — он указал рукой вправо. Я обернулась и увидела запертую дверь. — Там, — жест налево, — ванная, но сразу говорю, воды нет тоже.

— Горячей?

— Никакой, Адель.

— А как же мы...

— Во дворе есть летний душ, а ещё неподалёку озеро. Утром сходим наберём пару вёдер, а потом я посмотрю, что там с проводкой.

— Ты так говоришь, как будто мы застряли тут надолго! — я опять начала злиться. — Надеюсь, что завтра папа всё утрясёт, и уже вечером я буду дома.

— Я тоже на это надеюсь, — согласился он, и я ужасно захотела рассмотреть своего немногословного надзирателя. Ну очень темно, даже луны нет!

Я видела только очертания его лица: глаза, нос, губы, поросль щетины, но единой картины не возникало. Никакой конкретики.

Покрутила головой – второго этажа нет, дополнительных дверей тоже. Лишь наверняка микроскопическая комнатка, где мне придётся спать, ванная и, по ходу, кухня – так как я увидела очертания стола и горку сложенных друг на друга тарелок. Ну и прихожая: диван у окна, зеркало на стене и стеллаж с какими-то безделушками.

— А... где будешь спать ты? — задала я резонный вопрос.

— Здесь, — кивнул он на диванчик.

Крошечный такой... а в спецназовце наверняка роста не меньше ста девяноста. Когда мы шли рядом, я заметила, что он как Архип, только прилично крупнее.

Архип... пусть этому придурку стыдно станет, что его не было рядом, когда на меня покушались! Ещё и отцу расскажу, как его любимый "зять" предпочёл свои несчастные тачки и друзей-мажоров мне. Надеюсь, после этого разговоры о помолвке прекратятся.

— А воды совсем нет? Мне бы умыться, — я провела большими пальцами под глазами и зачем-то посмотрела на свои руки, как будто могла что-то увидеть в этой темноте.

В городе даже самая пасмурная ночь в разы светлее, тут же просто мрак – ни одной звёздочки. Страшновато. Хотя кто в трезвом уме потащится в эту глушь...

— Есть несколько пятилитровых бутылок. Сейчас, — он бросил на диван куртку и зашагал на кухню.

Тогда-то я и рассмотрела на его поясе кобуру.

Пистолет. Просто потрясающе.

Я, левый мужик и его пушка. Занятная вышла ночь.

Я сразу вспомнила наш домашний тир. Отец заядлый охотник, поэтому тир хороший, и я даже стреляла из нескольких коллекционных винтовок. Довольно неплохо стреляла, кстати.

— Это ТТ? — вытянув шею, проговорила я ему вслед.

Он немного покопался на кухне и вышел оттуда с баллоном воды в руках.

— Твой пистолет. Это ТТ?

— Иди умывайся, — проигнорировав мой вопрос, пихнул мне в руки бутылку, и я едва не согнулась пополам от её неожиданной тяжести.

Мог бы и сам отнести! Я надулась и потащилась к ванной. По пути обернулась:

— Полотенце там хоть есть чистое?

Тишина.

— А ты всегда такой разговорчивый? Прямо слова вставить не даёшь.

Он промолчал.

Ну кто бы сомневался.

Часть 3

В ванной света, конечно, не оказалось. Да и ванной это было сложно назвать... Какое-то крошечное корытце, прикрытое обветшалой шторкой, подвешенная к стене раковина и зеркало.

Зачем тут кран, если нет водопровода?

Или он есть, но просто не работает?

Я попробовала покрутить вентиль – ни в какую. Заржавел. Ну что ж, пришлось довольствоваться малым.

Отвинтив крышку, я наклонила бутылку и, пролив добрую половину, всё-таки попала в таз, который нашла под раковиной. Засунув волосы под ворот платья, наклонилась и тщательно смыла с лица размазанную косметику. Долго думала, как быть со всем остальным: там и колени наверняка грязные и вообще ноги – я же падала... Хотелось помыться полностью, но во-первых, было страшновато раздеваться, ведь в доме мужчина, а замка на двери нет, а во-вторых, этот тазик и ледяная вода...

Боже, за что мне это всё?!

Пришлось довольствоваться малым, но мысленно я себя утешила, что вернусь завтра домой и отмокну как следует в джакузи. В ароматной пене. Может, даже разожгу свечи... В слегка приподнятом настроении я вышла из ванной и сразу

же увидела своего неподвижно сидящего на диване спасителя. Слегка опущенная голова, руки, растянутые по спинке... Создалось ощущение, что он уснул.

— Эй! — проговорила я на всякий случай потише. Вдруг он дёрганный! Он же спецназовец, а значит, наверняка служил в какой-нибудь горячей точке. Слышала, они оттуда возвращаются с поехавшей кукушкой. — Эй, — подойдя на пару шагов ближе и произнеся чуть громче, — а где здесь туалет?

— Пошли, — он неожиданно бодро поднялся с дивана и, позвякивая связкой ключей, открыл входную дверь.

Но я осталась стоять как вкопанная на месте. Ибо...

— Куда пошли?

— Тебе туалет нужен?

— Ну да.

— Тогда пошли.

Я поплелась следом, укоряя мысленно папу за то, что мог бы выбрать место для моего прятания немного покомфортнее. И спасителя поговорчивее. Этот какой-то молчун, хоть и наверняка симпатичный.

Ну не может мужчина, от которого пахнет “Аллуром”, быть страшным!

Утопая в высокой траве, мы зашли за угол дома, и он остановился. Кивнул куда-то перед собой.

— Ну, иди.

— Куда?

— Куда хочешь. Места много.

Я просто ушам своим не поверила.

В смысле?

Нет, не так – В СМЫСЛЕ?!

— В кусты? Ты спятил??! Ни за что!

— Дело твоё, — он безразлично дёрнул плечом и развернулся, намереваясь шагнуть обратно в дом.

— Подожди! — я определённо разволновалась. — Но как же так? Неужели вообще нет ничего хотя бы отдалённо приближенного к нормальным людям, а не к неандертальцам? Хотя что-то! — и тут взгляд зацепился за какое-то сколоченное из узких досок строение. Я прищурилась и ткнула пальцем в находку: — Это биотуалет?

— Типа того. Не советую туда идти, — мне показалось, или в его голосе проскользнуло что-то похожее на сдержанную улыбку?

— Я сама решу, идти или не идти, — развернулась и с воинственным настроением пошла прямо к сараю, но когда открыла дверь...

Я ненавижу признавать своё поражение, но иногда его лучше признать. Он был прав, не надо было этого делать...

Шокированная увиденным, я в ужасе отпрянула от "био" и потопала в гущу деревьев, буркнув под нос: "Отвернись".

Вернувшись домой, искусанная комарами и ужаленная за пятую точку какой-то жгучей травой, я буквально валилась с

ног. Эта ночь выбила меня из сил похлеще самого развязного автопати. Я хотела только одного – спать. Желательно дома, в своей мягкой двухметровой кровати, но пока такой радости я за какие-то провинности была лишена.

— А почему на двери снаружи есть замок, а внутри – нет? — спросила, уже стоя у входа в свою "спальню", "роскошью" которой ещё не успела всецело насладиться. — Разве не должно быть наоборот?

— Не знаю, я его не ставил. Сам здесь впервые, — как обычно, ровно ответил...

— Кстати, как тебя зовут? — наконец-то до меня дошло, что пора бы и познакомиться.

Он помолчал с долю секунды, а потом произнёс:

— Найк.

— Ка-ак? Разве есть такое имя?

— Как видишь.

— А, ну ок, Найк так Найк, — я уже собралась войти, но снова притормозила. — Я смогу позвонить утром папе?

— Возможно. Посмотрим.

— А с ним всё хорошо? — я не слишком волновалась, потому что знала, что мой отец никогда не попадёт в беду, такой он человек. Всё у него схвачено и просчитано, и в каждом уголке по стопке соломы. Но на всякий случай всё равно спросила. — Он в порядке?

— Да, в полном. Ему ничего не угрожает.

— А мне?

— Тебе теперь тоже нет. Спи.

Странно верить совершенно чужому человеку, который утащил тебя на собственном плече из клуба. Но это человек папы, и я ему верю. Да даже если бы он не был от папы, всё равно бы поверила, наверное. Такая шла от него энергетика... абсолютного контроля и решительности. Уверенности и силы. Ну и пока он не сделал мне ничего плохого, так что...

Глаза давно привыкли к отсутствию света, но лицо напротив всё равно было нечётким. Слишком темно. Хотя небо за мутным окном стало как будто чуточку светлее, значит, скоро рассвет. А может, уже, просто непроглядная стена из деревьев мешала пробивающимся лучам осветить одинокий лесной дом.

— Ладно, Найк, спокойной ночи, — я широко зевнула и прикрыла за собой скрипучую дверь.

Комната оказалась маленькой, из обстановки только кровать и приставленный к стене стул, даже зеркала не было. Признаться, я немного брезговала даже садиться на чью-то непонятную постель, но была приятно удивлена, когда поняла, что бельё на ощупь абсолютно новое. Даже одеяло с подушкой были будто только из магазина – воздушные и характерным ароматом.

Ну и хорошо, хоть что-то условно положительное во всём этом абсурде.

Насторожило ли меня то, что в заброшенной лесной халупе есть вещи, которых тут априори быть не должно? Нет,

пока не насторожило. Как и то, что, уже проваливаясь в сон, я слышала, как в двери моей комнаты как будто бы повернулся ключ.

Меня заперли. Но мне было уже всё равно – я крепко уснула.

Часть 4

Проснулась я оттого, что было очень светло и очень жарко. Солнце палило просто нещадно. Не открывая глаз, протянула руку, чтобы нашарить на столике у кровати пульт от автоматических штор, но пульта нигде не было. Как и тумбочки.

Просто я не дома. Я в какой-то лесной лачуге с каким-то непонятным спецназовцем.

Доброе утро, Адель.

Разлепила глаза и сощурилась от яркости света, отметив, что днём здесь оказалось не так убого, как показалось ночью: никаких трупов мышей, пауков и плесени во всю стену. Просто дом из добротных деревянных балок, даже довольно чисто. Но это не мой уютный дом. Здесь нет моих вещей, моего ноутбука, телефона...

Чёрт, телефон! Сумка же осталась валяться в клубе. Интересно, Архип знает, где я?..

Мне сильно не понравилось, что я вообще вспомнила об этом идиоте. Может, если бы он был вчера рядом, ничего этого бы просто не произошло, кто знает. Но его не было, стало быть, и думать о нём слишком много чести.

В животе заурчало, напоминая, что было бы неплохо позавтракать. Война войной...

Выбравшись из кровати, я неожиданно поняла, что практически не могу наступить на ногу. Ту самую, которую мне отдавили в клубе. Потом вспомнила, какой здесь "туалет", что нет горячей воды и наверняка нормальной еды. Что я в какой-то заднице с каким-то непонятным мужиком, и всё из-за того, что на меня кто-то покушался – и мне вдруг стало так себя жаль... Настолько, что в уголках глаз скопились слёзы.

Стоп! Саркисовы не распускают сопли! Соберись уже!

Я шумно всхлипнула и, кое-как доковыляв до двери, потянула на себя ручку, а выглянув в крошечный коридор, застыла – у окна спиной ко мне стоял он, мой загадочный спаситель.

Сейчас, при свете дня, он казался каким-то совсем другим – более высоким, более плечистым. Смуглым. Из-под рукавов чёрной футболки торчали крепкие загорелые руки, а потом я скользнула взглядом по его спине, посмотрела чуть ниже... и он неожиданно обернулся.

— Проснулась?

Я зависла. Голос точно тот самый, а вот лицо...

Ночью оно казалось каким-то совсем другим! Я видела его плохо, образ дорисовала фантазия, и в моей фантазии он был... проще, что ли. Не таким симпатичным. И старше. А этому около тридцати, не больше.

— И тебе доброе утро, — хромая, вышла ему навстречу, и он сразу же бросил внимательный взгляд на мои ноги.

— Что с лодыжкой?

— В клубе вчера упала, когда началась паника из-за того газа. Кто-то наступил. Судя по размеру гематомы – какая-то слониха.

— Дай посмотрю, — он в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и, опустившись на корточки, без лишних сантиментов помял тёплыми пальцами мою ногу. — Очень больно?

— Терпимо, — а больно было очень, но я не хотела выглядеть ноющей слабачкой.

Отец воспитывал меня сильным человеком и никогда не выносил слёз. Закалял с раннего детства, поэтому можно по пальцам пересчитать, сколько раз я плакала. Если он узнает, что я тут скулила – будет сильно разочарован, а он узнает, этот Найк ему наверняка всё передаст.

Найк... ну и имя.

— Это не перелом и не вывих, даже не растяжение. Просто ушиб мягких тканей, пройдёт, — отпустил мою ногу и снова встал во весь рост. — Есть хочешь?

Я уставилась на него снизу вверх.

— Хочу.

— Ну идём, — и пошёл, вынуждая меня ковылять следом.

Странно это всё, конечно. Отец прекрасно знает, что я люблю комфорт, что я к нему привыкла, зачем мне вот такая проверка на прочность? Здесь же даже толчка нормального нет! Дикие условия!

Я начинала медленно, но верно раздражаться. Хотелось

переодеться и нормально помыться, а ещё почистить зубы. Ещё ни одно утро в моей жизни не начиналось с какого-то другого ритуала.

— Мне нужна зубная щётка, — капризно бросила я ему в спину, и Найк обернулся.

Чёрные глаза. Абсолютно. Даже зрачков практически не видно. Никогда в жизни я не видела настолько тёмного цвета радужки.

— В ванной есть всё необходимое.

Аллилуйя!

Забыв о боли, я стартанула обратно и спешно забежала в тесную ванную. На краю раковины лежал тюбик зубной пасты, нераспакованная щётка, брусок мыла и аккуратно сложенное полотенце.

— По-твоему, это "всё необходимое"? — повысила голос я, чтобы он точно услышал через запертую дверь. И он наверняка услышал, но, как обычно, предпочёл игнор. Вот упёртый!

Делать нечего, пришлось пользоваться тем, что дали...

После нехитрых утренних процедур я стала чувствовать себя лучше, но внутреннее раздражение никуда не делось. Если ночью я была в состоянии аффекта и не могла мыслить трезво, то теперь происходящее начало потихоньку морально давить.

Я чёрт-те где, чёрт-те с кем, чёрт знает на сколько. И вообще, возможно, меня хотели убить! Хотя в это я верить не

хотела.

Припугнуть – такое определение мне нравилось больше.

А ещё я окончательно поняла, что чего-то подобного отец точно ожидал, не зря в последнее время он усилил охрану дома и настоятельно рекомендовал мне везде ходить с его человеком. "На всякий случай", — говорил он, но лицо при этом было крайне тревожным. Конечно, от хвоста я категорически отказалась: меня приводило в бешенство присутствие в своей зоне комфорта какого-то левого человека. И если в детстве я не могла отстоять право быть свободной от чужих глаз и ушей, то после совершеннолетия голос прорезался.

— "Нет, нет и ещё раз нет! Я не выйду из дома с личной овчаркой, ни за что!" — бунтовала я, и отец в конце концов сдался. И ведь не происходило ничего ужасного – никто не грозился меня убить, покалечить или украсть. И вот на тебе! В самом центре города, в самом популярном клубе, среди кучи людей...

Хотя последнее было как раз понятно – так проще было затеряться в толпе. Паника – идеальная шифровка.

Покинув ванную, я направилась снова на кухню. Мужчина со странным именем ждал меня там – стоял у окна, загораживая спиной обзор.

И пристально смотрел на меня в упор.

Часть 5

Наткнувшись на непроницаемую стену его взгляда, я на мгновение зависла в дверном проёме. Впрочем, быстро пришла в себя.

Хочет смотреть, ну пусть. Мне не жалко.

Желудок подал признаки жизни утробным урчанием, и я перевела взгляд со своего спасителя на стол: банка каких-то консервов, пачка быстрозаваривающейся китайской вермишели, дешёвый пакетированный чай, крекеры...

— А где еда?

— Она перед тобой, — скрестив на груди руки, кивнул он на стол.

— По-твоему, это еда? Я это есть не буду.

— Как хочешь, — он привычно дёрнул крепким плечом. Кажется, ему действительно безразлично, буду я завтракать или нет.

А я не буду! Из принципа! Он ведёт себя со мной так, будто самый главный здесь именно он. Хрен там! Главный — мой отец, и он придёт в ярость, когда узнает, как этот мужик со мной обращался.

Разве он не должен выполнять все мои прихоти и быть тише воды, ниже травы? Личники папы как раз такие. Они так же мало говорят, но стараются угодить, а этому словно...

словно всё равно. Притащил в какую-то клоаку, указывает, что делать, морит голодом. Спасибо, хоть зубную щётку дал, но я всё равно скажу папе его уволить. То, что он меня спас, не делает ему большой чести, он просто как натренированный пёс – выполнял свою работу, только и всего. На его месте мог быть любой другой охранник.

Я была очень, очень раздражена. А зудящие укусы и больная нога только подкидывали дров в разгорающийся костёр ярости. Очарование какого-то приключения прошло, и реальность ничуть не воодушевляла.

— Дай мне телефон, я хочу позвонить папе.

— У меня нет телефона, — проронил он, снова впиваясь в меня своими угольными глазищами.

— То есть как это – нет?

— Вот так, — развёл руками он, и я начала злиться ещё сильнее.

— Не может быть такого, у всех есть телефоны!

— А у меня нет.

Да он издевается!

Я рывком отодвинула стул, который едва не упал, и подошла к мистеру ясамыйкрутой почти вплотную. Наверняка я выглядела неимоверно глупо в коротком вечернем платье в этой убогой лесной хибаре, но на свой внешний вид мне было вот совсем уже наплевать. Как и на его непробиваемое лицо.

— Вчера ты сказал, что сегодня я смогу позвонить отцу,

стало быть, вчера телефон у тебя был!

— Я не говорил такого, — его умению отражать словесные удары можно было только позавидовать. — Я сказал, что ты *возможно*ему позвонишь.

— "Возможно" тоже предполагает наличие телефона! За чем ты врал?

— Не хотел пугать, ты и так была сама не своя. Если бы я сказал, что какое-то время связи с отцом у тебя не будет, ты бы закатила истерику.

— А ты думаешь, что уже поздно закатить?

— Можешь истерить сколько хочешь, мобильная связь от этого не появится.

Долбанный капитан очевидность!

— Про телефон ты, получается, соврал.

— Получается.

Этот его спокойный тон просто как красная тряпка для быка.

Я сделала ещё шаг и встала к нему так близко, что уловила аромат кондиционера для белья от его чёрной футболки.

— Ты сейчас же отвезёшь меня домой, понятно? — для верности я даже ткнула указательным пальцем в его грудь и встретила достойное каменное сопротивление. — В целости и сохранности!

— Мы не поедem сейчас домой, Адель, пока нельзя, — не отрывая от меня гипнотически-чёрного взгляда, произнёс он, чем вызвал очередную волну психоза.

Я резко взмахнула свободной рукой и демонстративно сбросила со стола печенье – квадратики, ломаясь, посыпались на пол.

— Какого чёрта происходит? Почему ты не даёшь мне связаться с отцом? Что с ним? Ты что-то от меня скрываешь, да?

— Ничего, успокойся, твой отец в полном порядке. Он попросил временно увезти тебя из города – для твоей же безопасности. Телефоны брать нельзя – их легко отследить, надеюсь, это ты понимаешь.

— И как мы узнаем, когда нам возвращаться обратно? — я реально кричала. — Как?!

— Узнаем, — "успокоил" он.

— И каким образом?! Нам пришлют весточку голубиной онлайн-почтой?!

— Ты не доверяешь мне?

— Господи, нет, конечно! Я впервые тебя вижу!

Я практически ударилась в панику, что было мне несвойственно. Даже вчера в клубе я была более хладнокровной, но сейчас... Этот лес, этот странный дом, полная беспросветная неизвестность...

А вдруг моего папу там убили, а я сижу тут и ничего не знаю! Ведь это покушение было не просто так!

Кажется, только теперь я осознала всю серьёзность ситуации.

Стало страшно. Видимо, настолько сильно, что Найк уви-

дел это по выражению моего перекошенного лица.

— Ну ты чего, в самом деле? — он протянул руку и положил её на моё плечо. Слегка сжал. — Скоро всё закончится, и мы уедем отсюда.

— Как скоро?

— Я не знаю. Правда не знаю.

Теперь он точно не лгал и не издевался. А ещё я увидела, что его хитиновый слой непробиваемой брони спокойствия дал трещину — он был немного взволнован. Впервые. И эта человеческая эмоция словно вернула меня в реальность.

Я обречённо уронила вдоль тела руки, растеряв мигом весь боевой пыл.

Стало стыдно за концерт, который я здесь устроила. Ведь он прав — всё очень серьёзно. И если отец отправил меня сюда, значит, это вообще вопрос жизни и смерти. Я просто должна перетерпеть это всё, переждать. Ведь жизнь дороже ванны с пеной и пропущенного маникюра.

— Извини... — буркнула я под нос, и, судя по выражению его лица, подобного он не ожидал. Взгляд напротив из внимательного стал удивлённым.

— За что?

— Ну, за истерику. Скажешь ещё, что я тупая зажавшаяся мажорка.

— А ты не такая?

— Вообще-то, нет, — я опустилась на колени и собрала разбросанные печенья. Слегка пыльные... есть не буду. Но

говорить этого не стала.

Разогнувшись, положила горку разломанных половинок на стол. Найк смотрел на меня. Вообще не так, как смотрел раньше. Или это я посмотрела на него как-то не так... Что-то точно изменилось между нами, но я не смогла понять, что именно. Единственное, что я поняла, это то, что хочу побыть немного одна.

— Пойду прогуляюсь.

Я развернулась и, прихрамывая, покинула кухню. Хотелось выйти на улицу и просто подышать свежим воздухом. Осмотреться. Подумать.

Уповая, что здесь нет гадюк, я подошла к двери и дёрнула на себя ручку.

Дверь оказалась заперта.

Что за?..

Я дёрнула ещё, пошарила глазами по малочисленным поверхностям в поиске ключей. Затем бросила взгляд в окно и увидела то, на что как-то не обратила внимания раньше.

На окнах стояли решётки.

Странное неуютное ощущение пробрало до кончиков пальцев ног. И вроде бы ничего такого, но...

— Дверь закрыта для твоей же безопасности, — раздалось за спиной. Я обернулась – Найк стоял у кухни, загораживая широкой, как взлётная полоса, спиной дверной проём. — Было бы странно, если бы здесь был проходной двор. Мы не на пикник сюда приехали.

— А решётки...

— За тем же самым.

И вроде бы всё логично, но неуютное чувство никуда не делось. Наверное, я впервые поняла, как чувствовала себя моя запертая в клетке ручная шиншилла...

— Дай ключ, пожалуйста, я хочу прогуляться, — я протянула руку, ожидая, но он отрицательно покачал головой.

— Нельзя. Ключ должен быть только у меня.

— Для моей же безопасности, да?

— Именно.

И опять-таки — он прав, наверное, но положение вещей меня снова разозлило.

— Брось, Найк, это глухой лес, ну кто меня будет тут искать? Вы же всё предусмотрели с отцом, верно?

— Конечно. Но всё равно гулять одной нельзя.

— Да твою же ты мать, а! — вспыхнула я, теряя контроль.
— Я в туалет, вообще-то, хочу! Ваше королевское величество, можно мне посетить дамскую комнату, или прикажете прямо тут?

Сарказм не сочился разве что из ушей, я бы за такое отношение к себе просто убила. Но Найк не я...

— Хорошо, идём, — он отлип от дверного косяка и, засунув руку в карман, достал связку ключей. Пошуршав в замке, первым вышел на улицу, быстро осмотрелся, а потом, посторонившись, пропустил и меня.

Демонстративно толкнув плечом, я обогнала его и, бук-

важно утопая в высоченной траве, зашагала впереди. Кругом творилась какая-то невероятная какофония непривычных городскому уху звуков: какие-то жужжания, шуршания, где-то вдалеке куковала кукушка. А как тут пахло... травой, цветами, запутавшимся в хвойных ветвях солнцем.

Странный микс странных чувств и эмоций, абсолютно всё было для меня впервые. И мужчина, что неотступно шёл позади, тоже.

Я никогда не общалась со взрослыми парнями, три-четыре года разницы, не больше. Они были более болтливыми, более пафосными, но тот, кто шагал за спиной, таким не был. Ни внешне, ни по характеру.

— Ты долго будешь за мной идти? — проворчала я, отбиваясь от кружащейся прямо у лица назойливой мухи. — Когда ты ходил отлить, я на тебя не смотрела.

Услышала, как он хмыкнул под нос, и сама не смогла сдержать улыбку. Вся злость куда-то улетучилась.

Дурдом какой-то. Просто дурдом. Расскажу потом своим девкам – не поверят.

Вернувшись обратно в дом, я, признав позорное поражение, съела всё, что было на столе. И какие-то подозрительные, но оказавшиеся такими вкусными консервы, и дешёвую китайскую лапшу. Даже погрызла валявшиеся прежде на полу печенья, запивая их сладким пакетированным чаем.

Найк в это время сидел в прихожей, откинувшись на спин-

ку старого дивана. Казалось, что он дремал. Пользуясь возможностью, я, жуя, бросала на него осторожные косые взгляды.

Его профиль был красивым. Совсем не такой красотой, к которой я привыкла: никакой стильной стрижки и скрупулёзно оформленной в барбершопе бородки. Обычная одежда, на запястье болтались какие-то не очень дорогие часы. Точно не “Ролекс”.

В реальной жизни, там, вне стен этой халупы, я бы вряд ли на него посмотрела. Он старше, он серьёзнее, он какой-то загруженный. И наверняка... средний класс, раз работает на моего отца.

Ну, то есть не нищий бомж, но и не сын олигарха.

Я с детства росла в совершенно другой реальности, и всё моё окружение было таким же. Молодёжь, которая не знает, что такое "нет денег". Я никогда этим не кичилась, просто принимала как данность. Потому что никогда не видела другой жизни. Для меня роскошь – и есть моя реальность.

Я знала, что буду жить так всегда, потому что наверняка выйду замуж за какого-нибудь крутого парня с перспективами и богатым отцом – в моём кругу иных просто не было. Путешествия, бутики, модные показы... и вот я здесь. Недавно справившая маленькую нужду в кусты дочь самого Саркисова.

Умора. Когда ещё в моей жизни будет такого рода приключение?

— Поела "не еду"? — не открывая глаз, спросил Найк.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони и кивнула.

— Голод не тётка.

Он приподнял голову и взглянул на меня через дверной проём кухни. Улыбнулся. Снова закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

— Хорошо, что ты это понимаешь, мажорка.

Очень хотелось бросить ему в ответ какую-то колкость, но я сдержалась. Ведь для него я такая и есть — мажорка. Глупо отрицать.

— Нам ещё не пора домой?

— Пока нет.

— М-м, — смиренно промычала я. — У меня день рождения послезавтра, надеюсь, отмечу его не здесь.

И потопала в "свою комнату".

Делать тут всё равно особо нечего, развлекать себя тоже нечем. Это там, дома, я сейчас зависала бы где-нибудь на летней веранде уличного ресторанчика, попивая клубничный мохито. Но здесь я не дома, а значит, остаётся только смотреть в окно и... спать.

Отогнув край одеяла, я опустилась на кровать и, повернувшись лицом к стене, закрыла глаза.

Мне снился густой лес, внимательные чёрные глаза, клуб "Райская пыль" и Архип, гоняющий по ночной трассе на заниженном Ламборджини.

А ещё мне приснился поворот ключа в моей двери. Найк

запер меня, а перед этим стоял напротив и наблюдал, как я сплю.

Часть 6

Я проснулась, когда солнце уже опустилось за густые кроны деревьев, на дворе стояли серые сумерки. Было дико душно, пот стекал по вискам, что ужасно бесило.

Я снова была голодная и злая. Домой хотелось просто невыносимо, хотя бы чтобы просто переодеться, снять с себя эту неудобную одежду! Короткое клубное платье – такой себе прикид для того, чтобы шариться по лесу.

А ещё хотелось нормально помыться. Хоть в том дурацком тазике, чёрт с ним!

Прошуршав от кровати до двери, я дёрнула за себя ручку, и... и ничего. Дверь не открылась. Я подёргала ещё, потом ещё сильнее.

Я что, заперта?!

Это мне не приснилось? Он реально меня закрыл?!

— Эй! Ты где там?! — я забарабанила по добротному полотну. — Найк!

С той стороны послышался поворот ключа, и спустя мгновение я выбралась из своей ловушки. А я восприняла её именно так – ловушка. Мышеловка.

— Какого чёрта ты меня закрыл?

— На всякий случай.

— На какой ещё такой случай? Мы здесь одни!

— Ну мы же здесь не отдыхаем, верно? Мы переживаем. Я отвечаю за твою безопасность.

Стоит весь такой самоуверенный, холодный. Настоящий опер, прямо на лбу крупными буквами написано. Бесполезно с ним спорить и что-то доказывать. Просто бесполезно.

— Я помыться хочу, — пробубнила я, огибая его гранитоподобную фигуру. — Где тут твой летний душ?

— Он за домом, но там нет воды.

Я резко притормозила и обернулась.

— То есть как это — нет воды?

— Вот так. Нужно носить воду из озера. А мы туда не ходили.

— Ты издеваешься, да?! Я сутки не мылась. Сутки! Мне нужно сменить одежду и смыть с себя грязь! Как прикажешь мне это сделать? — я снова начала превращаться в неустойчивую истеричку, какой пообещала себе не быть. — Я всё понимаю — мы здесь не просто так, но неужели отец не мог позаботиться и сделать моё пребывание тут более комфортным?! Я не прошу многого, просто чистую одежду! Всё!

— Хорошо, сейчас принесу, — как обычно, ровно произнёс он, и я буквально потеряла дар речи.

— В смысле?! У тебя что, есть для меня сменная одежда?

— Да, есть.

— А почему ты не сказал раньше?

— Ты не спрашивала, — он дёрнул плечом и пошёл к входной двери. Открыл замок, вышел на улицу, и только я

собралась сделать шаг следом за ним, как едва не получила дверным полотном по лицу.

— Эй! Ты чего? — ударила изо всех сил по косяку. — Ты запер меня!

— Сиди здесь. Я сейчас вернусь.

— То есть как это? — ударила снова и так сильно, что заболело запястье. — Какого хрена? Выпусти меня немедленно, я с тобой пойду!

Он не отвечал, а я психовала всё сильнее.

Закрыл! Как собаку! Это уже вышло за все допустимые рамки!

Я подбежала к окну и, убрав ладонью довольно толстый налёт пыли, прильнула к стеклу: как раз в этот самый момент Найк скрылся в густой лесной чаще.

Куда он пошёл?! Скоро ночь! Я что, останусь здесь одна? Запертая в этом непонятном доме?

А если он не вернётся?!

— Эй! Найк! Вернись немедленно! Эй! — я замолотила кулаком по стеклу. В какой-то момент едва не решилась вообще его выбить: взять кочергу, что стояла в углу, и с размаху... Но что толку, снаружи довольно крепкие на вид решётки.

Он вернётся! Не оставит меня здесь. Отец же его просто в порошок сотрёт!

А если... он просто не сможет вернуться? Попадёт в какой-нибудь капкан или его сожрёт медведь?!

Господи, медведи... А вдруг в этом лесу водятся дикие звери?.. Да наверняка водятся, это же лес!

Мне стало очень страшно, даже страшнее, чем было в клубе. Страшнее, чем когда очнулась в машине и попала сюда впервые. По крайней мере тогда я была не одна, а теперь...

Где-то вдалеке заухал то ли филин, то ли ещё какая-то птица, а потом в гуще деревьев началось какое-то нездоровое движение – ветки хрустели, словно кто-то, приближаясь, ломал их своей огромной тушей.

И я не знала, кого мне бояться больше – дикого зверя или того, кто нас всё-таки отыскал... Мы же здесь не просто так. На меня кто-то пытался покушаться! Прошли целые сутки, а я всё ещё тут, значит, ситуация серьёзнее, чем её пытается показать мой немногословный охранник.

Ветки пошуршали ещё, в кустах что-то быстро мелькнуло, и стало тихо, только где-то в кронах деревьев продолжал ухать одинокий филин...

Я так сильно перенервничала, что неожиданно для самой себя заревела. По-настоящему. Впервые за всё время нахождения здесь. Я даже во время давки в клубе не рыдала, только исключительно из-за того газа. Я была собраннее, сильнее, а теперь...

А если он на самом деле не вернётся? Я же даже не знаю, где я! Как отсюда выбираться? Дверь заперта, на окнах решётки, нет телефона и наверняка ни одного живого человека за сотни километров отсюда. Я умру тут от голода и жажды!

Перед глазами проплыли картинки из всех пересмотренных мною триллеров и криминальных сводок новостей. Я представила заголовки о том, что дочь фармацевтического магната Саркисова найдена мёртвой в лесном доме. Представила, как будет горевать отец... Я ведь вообще ещё пожить толком не успела, у меня даже секса никогда не было. И умереть так бездарно...

Я сидела на пыльном полу и, накручивая себя, рыдала как маленькая напуганная девочка. Девочка в вечернем платье за три тысячи долларов...

Когда я услышала поворот ключа, и на пороге появился Найк... не знаю, что на меня нашло. Я пружиной подскочила на ноги и, размазывая слёзы, бросилась ему на шею.

Вот только недавно же хотела придушить этого мерзавца, а теперь была счастлива видеть как самого дорогого и родного для себя человека.

Меня не съедят медведи. Я не умру от голода, и когда-нибудь у меня будет секс. Господи, какое счастье!

Кажется, он не ожидал от меня такого порыва – его огромное тело было напряжено словно камень. Только лишь спустя несколько секунд он опустил на пол сумку, которую держал в руках, и осторожно приобнял меня за талию.

— Ты чего это, мажорка?

— Я боялась, что ты не вернёшься, — надрывно всхлипнула я и, кажется, даже икнула. — Тебя не было так долго... Не оставляй меня здесь одну, пожалуйста.

— Я просто ходил забрать вещи из машины.

Сквозь потихоньку ослабевающие тиски паники я ощутила, что мне приятно его прикосновение. Не захотелось ударить по рукам и вновь отойти на дистанцию. Это было чертовски странно.

— А где машина?

— Я отогнал её ещё ночью, когда ты спала. Этот дом числится нежилым, пусть таким и остаётся.

— Мог бы предупредить! — я снова всхлипнула в его обтянутое чёрной футболкой плечо. А он, кажется, улыбнулся.

— Так я предупредил.

— Ты запер меня!

— Такова необходимость, я за тебя головой отвечаю.

Я вдруг поняла, что мы стоим вот так, тесно прижавшись друг к другу, как-то слишком уж долго, и, признаюсь, отцепилась от него с большой неохотой. Даже ощутила некое неудобство оттого, что стою вся такая зарёванная перед ним. Страшная, наверное.

Хотя темнота, которая стала уже привычной, наверняка скрашивала мой позор.

— Тут мои вещи? — кивнула на валяющуюся у ног сумку и, получив в ответ короткое "да", опустилась на корточки. Открыв молнию, выудила пакет с логотипом популярного масс-маркета, в котором лежали дешёвые тряпки. Все с ценниками. Чёрная футболка, джинсы, носки, нижнее бельё, тряпичные кеды и нелепой расцветки худи. Даже в сумерках

я смогла разглядеть эту безвкусицу.

Размер мой. Но...

— Это не мои вещи.

— Прости, заезжать к тебе домой и копаться в твоём гардеробе времени не было.

— А в магазин забежать время, значит, было?

— Если они тебе не нужны... — он протянул руку, намереваясь забрать всё обратно, но я прижала тряпки к себе, защищая.

— Нужны! Это платье... когда мы выберемся отсюда, я его сожгу! Я его уже просто ненавижу!

Он снова улыбнулся, блеснув в темноте белыми зубами. И не знаю почему, но я радовалась, когда он снимал свою непроницаемую маску и становился похожим на живого человека, а не на робота в форме спецназовца.

— И всё-таки я по-прежнему не отказалась бы помыться, — разбавила первой неловкую паузу. А она была именно неловкой, в его присутствии подобное происходило впервые.

Не нужно мне было так откровенно на нём виснуть, а то подумает ещё непонятно что...

— Воды в душе нет, но тут неподалёку есть озеро, я уже говорил.

— Ты серьёзно? — хотя глупо спрашивать это у такого человека, как Найк. Меньше всего он был похож на шутника.

— Серьёзно.

Господи, пусть это всё окажется дурным сном! Ну за что?

За что-о?!

Я же всегда старалась переводить деньги нуждающимся и практически не ставила дизлайки!

Вздохнув, я затолкала вещи обратно в пакет. Всё, кроме обуви. Оторвав ценник, обула на удивление удобные кеды, потом сунула пакет в спортивную сумку и повесила ремешок на плечо.

— Тогда пошли уже на твоё озеро!

Часть 7

На улице было темно. Не просто темно, как это бывает ночью в городе, тут была реальная темнота – ни единого электрического огонька! Но звёзды... сегодня их здесь было несчётное количество. Тысячи. Миллионы. Миллиарды! Никогда в своей жизни я не видела столько звёзд, даже в национальном парке Чако Нью-Мексико, где ночи считаются одними из самых звёздных в мире.

Я шла рядом со своим молчаливым телохранителем и почему-то прокручивала в голове наше неуклюжее объятие. Вроде бы ничего такого, но из памяти это никак не выходило.

— Ну и где твоё озеро? — задала вопрос, лишь бы не молчать.

— Уже совсем скоро.

И действительно, буквально через пару минут мы вышли из густых зарослей прямо к берегу реки. Большой, неестественно гладкой. Словно это не вода, а расстеленное шёлковое покрывало в крошечных сверкающих точках страз.

Бросив сумку на траву, я осторожно прошла по скрипучему мостку и, скинув один кед, опустила большой палец ноги в воду. Не холодная, но нырять всё равно было страшно. И брезгливо. Я никогда не купалась в подобного рода водоёмах, но липкое от пота тело требовало забить на всё.

— А вдруг тут кто-нибудь водится? — спросила, не оборачиваясь.

— Кто, например?

— Ну, не знаю. Какие-нибудь хищные рыбы.

— Пираньи? — он явно улыбнулся.

Да он снова надо мной стебётся! Хотя и вопросы мои реально идиотские.

Прекрати уже вести себя так, иначе у мажорки появится приставка "тупая".

— Отвернись, — бросила я и, дождавшись, когда он повернётся всем корпусом ко мне спиной: — Сумку дай.

Он, не оборачиваясь, протянул мне пакет с купленными вещами и прихваченным из дома мылом.

Это сюрреализм какой-то, не иначе. Не знаю, что там такое приключилось, кто и почему на меня покушался, но это должно быть что-то нереально важное, чтобы уже на целые сутки заточить меня здесь, на этом отрезанном от большого мира одиноком острове.

Ужасно не хватало связи с папой, если бы я поговорила с ним лично, мне было бы спокойнее, но Найк сказал, что это невозможно, и я свернула эту тему. Не хотелось выглядеть капризной стервой, которая в свои восемнадцать никак не может осознать всю степень серьёзности.

Под платьем лифчика не было, поэтому я, воровато обернувшись на своего телохранителя и убедившись, что он по-прежнему не смотрит, быстро стянула с себя неудобную

тряпку и прикрыла грудь рукой.

Было ужасно неловко раздеваться перед незнакомым мужиком, но попахивать как работник сталелитейного завода не хотелось ещё больше.

Я не боялась, что он вдруг озверееет и кинется меня насилловать. Те, кто работают на моего отца, знают, чем это чревато. Если он не смертник, то никогда не посмеет даже взглянуть. Но это при условии, что он не смертник.

А вдруг всё-таки...

Я снова быстро обернулась: он стоял спиной и явно не собирался ни насилловать меня, ни даже подсматривать. Это... слегка уязвило. Голая красивая девушка устроила стриптиз, а он даже бровью не повёл.

Может, он гей?

Или женат...

Есть ли у него обручальное кольцо? Не помню...

И тут же я разозлилась на саму себя – зачем я вообще думаю о таких вещах?! Какая мне разница: гей он, не гей, женат, нет – это просто один из людей отца. Он здесь для того, чтобы меня защищать. И, признаюсь, справляется он с этим прекрасно. С последним даже слишком перестраховывается. Эпизод с запертой дверью до сих пор вызывал неоднозначную реакцию.

— Увижу, что подсматриваешь – расскажу отцу, понял? Он мокрого места от тебя не оставит, — вложила в голос всю серьёзность своего намерения.

И реально расскажу, пусть только попробует!

Но он не попробовал... Ни когда я абсолютно голая острожно заходила в чистую речную воду, ни когда орудовала бруском мыла.

Он не обернулся.

Ну и ладно. Разве не этого я от него требовала?

— Ты долго будешь плескаться? — донёсся с берега его голос.

— А тебе какое дело? Заняться здесь всё равно нечем, — если до его вопроса я уже собиралась выходить, то теперь решила немного поплавать. Из вредности.

Перехватив поудобнее волосы, погрузилась до самой шеи под воду и, медленно работая руками, поплыла. Если поначалу вода казалась холодной, то теперь была словно парное молоко. Страшно совсем не было, наоборот, вид вокруг завораживал: настоящий лес, густой, дремучий. Кроны были такими высокими, что казалось, протыкали своими острыми верхушками звёздное небо.

Я думала о том, что никогда же такого больше не повторится. Ну, чтобы вот так — ночью, в какой-то реке... Ситуация с покушением была сама по себе ужасной, но она неожиданно открыла меня с новой неожиданной стороны. Оказалось, что я не такая уж и изнеженная: сплю на неудобной кровати, ем какие-то консервы и скоро надену дешёвые тряпки едва не из секунд-хенда.

Я гордилась собой. И отец будет мной гордиться.

Наверняка он и его люди уже вычислили, кто и почему пытался на меня покушаться, и уже завтра я буду дома. Я была в этом почему-то железно уверена. Наконец-то я окажусь в привычной среде, увижу своих друзей. Уверена, они будут просто в шоке, когда я им всё расскажу, и скорее всего, в директе сейчас точно не меньше полсотни сообщений.

Я плыла и думала о том, как оно всё будет, думала о папе, немножко о Найке, что остался на берегу... а потом много-страдальную, отдавленную в "Райской пыли" лодыжку пронзила невыносимая боль. Настолько резкая и сильная, что грудь сдавило спазмом, стало нечем дышать.

Судорога!

— На-айк! — что есть силы заорала я, уже совсем не грациозно барахтаясь в воде. Боль от лодыжки перешла под колено, и это был настоящий ад. — Найк!!!

Где-то позади раздался громкий всплеск, и – наверняка в считанные секунды, которые мне, конечно, показались вечно-стью, – он оказался рядом. Нырнув под воду, вынырнул уже передо мной, закинув меня как рюкзак на свою спину.

— Держись!

Я в панике начала бить руками по воде, одновременно воюя с болью и страхом.

— За шею мою держись! — командным тоном повторил он, и я послушно обхватила его руками там, где он сказал.

Было не холодно, но меня трясло, боль никуда не отступала и только наращивала темп. Мышцы словно проткнули

раскалённой иглой. Казалось, что эта пытка будет длиться вечно.

Я была так рада, что не утонула, и так сильно хотела, чтобы эти мучения поскорее закончились, что даже ни на секунду не вспомнила о том, что плавала голой...

— Ты задушишь меня! — прохрипел он, и я поняла, что действительно вцепилась в его шею слишком крепко, наверняка перекрыв кислород. Кое-как переместила руки ему на грудь, сжав ткань мокрой футболки.

Боже, он даже не разделся!

Когда мы подплыли, вернее – Найк с моей тушей на спине подплыл ближе к берегу – он аккуратно отцепил от себя мои пальцы и, сняв со спины, взял просто на руки. Воюя с мокрыми штанинами, вынес меня из воды и бережно посадил на траву, а потом накинул на мои плечи полотенце.

Только тогда до меня стало доходить, как я выгляжу... Я же голая!

Но его моя нагота волновала, кажется, в самую последнюю очередь.

— Что... случилось? — дыхание выбивалось из его груди хриплыми толчками, по лицу стекали ручьи воды. — Там, в воде...

— Судорога.

— Я так и подумал... Вытяни ногу.

— С ума сошёл? Я без трусов!

— Адель! — немного раздражённо рыкнул он, и я кое-

как переместила больную конечность в его сторону, прикрывая при этом полотенцем все причинные места. Он подsunул ладонь под моё колено и довольно больно ущипнул, потом ещё раз. Чем-то уколол, и буквально через несколько секунд спазм стал отпускать. Я готова была снова разрыдаться, но теперь уже от облегчения.

Чёрт с ними, трусами, я не утонула. Какое счастье!

Завернувшись по максимуму в крошечное полотенце, я медленно приходила в себя, попутно наблюдая, как Найк поднялся на ноги и, закинув руки за спину, рывком снял свою мокрую футболку.

Да, сама я сидела голая, но к его стриптизу оказалась морально не готова. Вид обнажённого мужского торса – очень-очень хорошего торса! – моментально смутил. Даже сильнее, чем собственная нагота.

— Ты снова меня спас.

— Чего? — он повернулся ко мне, вытирая лицо снятой футболкой.

— Я говорю – ты уже второй раз спас меня. Премию хочешь получить от отца, что ли?

Он несколько секунд смотрел на меня с неимоверно серьезным выражением лица, а потом... улыбнулся. Было очень темно, но глаза уже давно адаптировались, поэтому я видела его довольно неплохо. И надо признаться, без футболки ему было гора-аздо лучше.

Наши парни часами пашут в тренажёрном зале, чтобы до-

биться такого рельефа, сколько же часов тратит он...

— Серьёзно, спасибо, — я решила не быть надменной сукой и отбросить уже весь пафос. — Я бы реально утонула там, если бы не ты.

Он сдержанно кивнул и ещё раз как следует отжал майку, заставляя меня любоваться игрой налитых мускулов.

Интересно, почему я всё-таки никогда не видела его раньше? Может, он работает на отца внештатно, именно для таких вот форс-мажорных ситуаций?

Когда я одевалась, он тактично отвернулся, что выглядело слегка комично, учитывая, что он, может, и не детально, но всё-таки уже видел меня голой. Да что говорить, он меня на себе голую тащил.

Я вдруг подумала: а нырнул бы вот так за мной Архип? Скорее всего, он начал бы бережно раздеваться, снимать побрякушки, чтобы не дай бог не намочить свои “Ролекс”... К тому времени моё брэнное тело уже доедали бы ракообразные.

— Как долго ты работаешь на папу? — спросила я на обратном пути, шагая по правую руку от Найка.

Было слегка прохладно, мокрые волосы неприятно липли к лицу и спине. А каково было ему в совершенно сырой одежде?..

— Так сколько?

Прежде чем ответить, он немного помолчал, что показалось мне несколько странным. Будто он забыл.

— Пару лет.

— А почему я тебя никогда не видела раньше?

— Осторожно, тут яма, — проигнорировал он мой вопрос и подал руку, чтобы я смогла перепрыгнуть небольшой ров. Удивительно, но его рука была тёплой, тогда как моя — ледяной.

Он молчал, явно не собираясь откровенничать, отвечая на мои многочисленные вопросы. Просто шёл рядом, думая о чём-то своём, периодически тревожно сводя к переносице брови.

Меня задевало его показное равнодушие. И вроде бы какая разница: ну кто он мне, а я ему, но чтобы быть настолько отрешенным... Я девушка, в конце концов, привлекательная, ни один парень меня так откровенно не динамил!

— Я, вообще-то, вопрос тебе задала, — снова начала возвращаться сука. — Или я с пустотой разговариваю? А может, у тебя выборочная глухота?

— Чего ты хочешь, Адель? — вздохнул он и повернул ко мне лицо. Даже в темноте я видела, какие чёрные у него глаза. — Тебя действительно волнует, почему мы не встречались раньше? На самом деле или тебе просто скучно и нечем себя занять?

— Конечно, второе! На самом деле мне всё равно на тебя. Просто я скоро сдохну тут от скуки. Без телефона, интернета, даже книжки никакой нет.

— Не волнуйся, уже завтра ты будешь дома.

— Ты серьёзно?! — я даже остановилась и потянула на себя край его мокрой футболки, вынуждая обернуться. — Завтра?

— Да, — ответил он, секунду поколебавшись. Но на эту паузу я даже не обратила внимания, ведь все мои мысли заняло маячившее освобождение.

Домой! Наконец-то!

— То есть папа нашёл этих людей? — мы снова зашагали. — Ну, тех, кто пытался на меня покушаться?

— Практически.

— А из-за чего это вообще всё было? Что стало причиной?

— Задашь этот вопрос своему отцу.

Как обычно – рубленые ответы и никакой конкретики. Да и пошёл он! Не хочет разговаривать – как хочет. Пусть сидит один, раз ему так нравится.

Когда мы вошли в дом, я специально его опередила, толкнув плечом. Да, он спас меня, но при этом и разозлил. И вообще, спасти меня – его работа, тоже мне герой!

— Есть хочешь?

— Не голодна, — раздражённо захлопнула дверь своей временной комнаты. Есть хотелось, но признаться в этом – ни за что.

— Ну и отлично, — раздался за дверью его глухой голос.

— Ну и отлично, — передразнила я и, бросив на пол пакет с тряпками, плюхнулась на кровать.

Не нужно мне его общение, потому что уже завтра я буду нежиться в ванне с душистой пеной и даже ни разу о нём не вспомню.

Я уже засыпала, и мне показалось, что где-то за окном, в лесу, раздался рингтон телефона. Совсем слабый, едва различимый. Настолько отдалённый, что проще было принять его за игру воображения. Что я и сделала, уютнее завернувшись в одеяло.

Часть 8

Что-то случилось – это я поняла сразу же, как только вышла утром из своей комнаты-клетки. Найк был напряжён, даже не так – он был чертовски загружен. Может, даже немного растерян. Сосредоточенное лицо, серьёзный взгляд.

— На столе чай и консервы, — кивнул себе за плечо, не удостоив меня даже короткого взгляда. Подошёл к окну, продолжая о чём-то лихорадочно размышлять.

— Пожалуй, я потерплю, — огрызнулась. — Дома поем нормальной еды.

— Терпеть придется долго.

— В смысле? Ты же сказал, что уже сегодня.

— Планы поменялись, пока мы остаёмся здесь, — отрезал он и наконец-то обернулся.

Плохо дело. Лицо – восковая маска, на висках скопились бисеринки пота. А эти его глаза...

Стало тревожно.

Сделала пару шагов навстречу, стараясь не думать сходу о самом плохом.

— Почему поменялись? Что-то с отцом?

— С ним всё прекрасно.

— А почему тогда мы не уезжаем? Значит, что-то случилось. Просто ты не хочешь мне ничего рассказывать!

— Да, я не хочу тебе ничего рассказывать, — снова отрубил он, и я была готова заскулить от отчаяния.

Я не выдержу ещё одного дня здесь. Так мечтала, что уже сегодня окажусь дома и забуду весь этот кошмар!

Я очень хотела узнать, что же там такое происходит, вне стен этой хибары, но уже поняла, что давить на него бесполезно, и истерики его не берут. Если он не захочет — то ни за что не расскажет. Но быть в полном неведении — невыносимо.

— Мне до сих пор что-то угрожает, да? — я сменила тон и постаралась смотреть на него как можно добрее. — Могу я узнать хотя бы это? — он молчал, не отводя от пыльного окна хмурого взгляда. Тогда я подошла к нему совсем близко и осторожно тронула за плечо: — Найк, пожалуйста...

Он снова посмотрел на меня, и мне вдруг показалось, что я никогда ещё не видела настолько уставшего человека. Уставшего не физически, а просто какого-то... потухшего. Что было чертовски странно, потому что раньше мне казалось, что он невероятно собран и ничто не может его сломить.

— Возникли кое-какие проблемы. Там, в городе, — ответил он, и тон его был уже намного мягче. И взгляд стал как будто теплее. — Поэтому мы пока не можем вернуться, извини.

— У тебя всё-таки есть телефон, да? Тебе позвонили и сообщили об этом. Брось, только не надо ничего сочинять. Я

понимаю, что звонить отцу мне категорически нельзя, я не буду просить связаться. Просто хочу знать.

— Да, у меня есть телефон.

Мне было приятно, что он не стал дальше врать. Ведь то, что телефон у него есть, было очевидно, ведь как ещё он узнаёт новости из города?

А ещё я вдруг поняла, что будучи хорошей смогу узнать намного больше, и решила не менять тактику...

— Зачем ты прячешь его? Это совсем не обязательно, не трону я твой телефон, я же не дура. Понимаю, что если позвоню отцу, те, кто хочет мне навредить, легко вычислят геолокацию.

— Я рад, что ты это понимаешь.

— Но можно я хотя бы посижу с тобой тихонечко рядом, когда ты будешь звонить?

— Нет, нельзя.

Да что ты будешь делать, а!

— Но почему?!

— Потому что так надо, Адель! — вдруг неожиданно разозлился он. — Просто делай то, что я тебе говорю, и всё будет хорошо. Если тебе кажется, что мне доставляет удовольствие сидеть здесь с тобой в четырёх стенах – тебе кажется! Я мечтаю убраться отсюда не меньше, а скорее, даже больше твоего.

— С чего это? Наверняка мой папа щедро платит тебе за такую работу.

— Твой папа... — усмехнулся. — Послушать тебя, твой отец просто святой человек.

— Не святой, но точно не жмот! И вообще, он знает, что ты о нём такого нелестного мнения?

— Подозревает.

— Ну ты и придурок, Найк. И имя у тебя дурацкое, — я раздражённо развернулась и пошла на крошечную кухню, которая наверняка будет ещё долго сниться мне в кошмарных снах. Как и вообще вся эта халупа. Как и этот высокомерный мужик, отчего-то возомнивший себя пупом земли.

Да кто он такой? Почему обращается со мной как с какой-то вещью? И вещь не слишком высокого качества. Вот этот его тон, взгляды свысока, брошенные сквозь зубы слова. Словно делает мне одолжение. Мол, скажи спасибо, что я торчу здесь с тобой, а сам, между прочим, наверняка получит неплохой куш, ведь отец мой, может, на самом деле не идеал, но своих людей никогда не обделял.

Что же там случилось такое, раз я до сих пор здесь? Что это за люди, которым папа перешёл дорогу? А то, что я здесь из-за него, тоже было очевидно.

Я знала, что у отца есть враги, есть конкуренты, которые готовы на многое. Вся эта его помешанность на охране — не галочки ради. Ему и угрожали, и писали гневные письма, и забрасывали повестками в суд, но чтобы перейти от угроз к действию — такое произошло впервые. И пока я даже не знала, как на всё это правильно реагировать. Пока я здесь, я

раздражена, но мне не страшно. Я действительно не боюсь, что сюда доберутся те, кто желает мне, вернее – отцу, зла. Со мной Найк, и хоть он порой раздражает меня, но я чувствую себя рядом с ним защищённой.

Как он бросился ночью в воду? Не раздумывая ни секунды. Не думая ни о чём.

Конечно, это его работа – беречь меня и пылинки сдувать, но мне всё равно очень хотелось верить, что не только рабочий долг заставил его не дать мне утонуть.

Консервы были тёплыми и невкусными, как и чай. Я смотрела в окно на сереющее небо и думала о том, выдержит ли крыша, если начнётся ливень. Как-то не очень хотелось мокнуть. И тут же стало смешно – кто бы мог подумать, что когда-то я буду переживать о чём-то подобном. Раньше единственное, что меня волновало, это подготовка к зачёту, маленькое количество лайков под новой фотографией и то, что платье от Вивьен из новой коллекции уже кто-то купил.

— Я скоро вернусь, — бросил из коридора Найк, и следом послышался хлопок двери.

Я бросила вилку и, жуя, подбежала к окну – он, озираясь по сторонам, снова скрылся в лесной чаще.

Зачем он ходит туда? Что у него там спрятано такого? Может, телефон?

Я не сочиняла, когда говорила о том, что не дура и понимаю, что звонить нельзя. Но так же я знаю, что звонки продолжительностью до одной минуты невозможно отследить.

Одной минуты мне хватит, чтобы быстро набрать отцу и вывести у него всю нужную информацию.

Я не буду сидеть здесь, как собака на привязи, я должна хотя бы знать, что происходит. На кону, вообще-то, моя жизнь и, может, жизнь единственного близкого для меня человека.

Я должна найти телефон и украсть его.

Часть 9

Вернулся он очень поздно и в ещё более худшем расположении духа. На меня даже почти не взглянул: опустился на диван в коридоре, потом, не снимая обувь – лёг, уложив длинные скрещенные ноги на потрёпанный временем подлокотник.

Да этот диван ему мал, как он на нём спит?! Если он вообще спит – судя по покрасневшим векам, с отдыхом у него так себе.

Я сидела на краю своей кровати и смотрела на него через дверной проём, размышляя, каким образом стащить телефон.

Вернее, где его изначально найти.

Может, всё элементарно, и он носит его просто в кармане? Почему-то подобная мысль не приходила мне в голову, хотя это самое очевидное.

В кармане, конечно же! Нужно просто обшарить их, и всё!
— Пить хочу, — бросила я первое, что пришло в голову.
— На кухне есть вода в бутылке, — ответил он, не открывая глаз. Одну руку он положил себе на лоб раскрытой ладонью вверх, словно спасаясь от головной боли. Другую уже привычно растянул по спинке дивана.

— Я не нашла.

— Она под столом.

Я кивнула самой себе и, поднявшись с кровати, едва слышно прошмыгнула мимо него на кухню. Вода действительно стояла там, где он сказал. Пить я не хотела, но все-таки налила немного в кружку и сделала ради приличия несколько глотков, искоса наблюдая за своим телохранителем.

Когда он уснёт, можно попробовать обшарить его карманы. Но уснёт ли он настолько крепко, чтобы ничего не почувствовать – большой вопрос. Конечно, самый лучший вариант заставить его по собственной воле избавиться от штанов... А что, подойти и сказать, например, что не рассмотрела на озере марку его трусов. Заинтересовало вдруг.

Ну и абсурд!

Не выдержав, хихикнула себе в кулак.

Найк сразу открыл глаза и, приподняв голову, бросил на меня вопросительный взгляд:

— Ты чего это?

— Ничего, — скрывать улыбку было чертовски сложно.

— Прикол один вспомнила. Из интернета.

Зачем-то уставилась на ремень его брюк, неуместно представив, как он растёгивает его, чтобы раздеться... И вот тут мне уже перестало быть весело. Я в очередной раз взглянула на ситуацию совсем другими глазами: взрослый незнакомый мужик и я, первокурсница, в уединённом лесном доме. Если на него что-то найдёт, я же даже пикнуть не успею...

— Расскажешь? — вторгся его голос в мои мысли.

— Что рассказать?

— Ну, прикол.

Он такой огромный и явно сильный, зачем я его драконю? Это же чистой воды идиотизм! Я его совсем не знаю, не знаю, что у него на уме. Женщин насилуют их собственные мужья, люди, которых они хорошо знают и которым доверяют, а тут совершенно левый мужик...

Неожиданно я поймала его взгляд на своих голых ногах и мысленно отругала себя за беспечность. Футболка даже до середины бедра не доходит, о чём я думала!

— Я его уже забыла, — пробубнила я, мечтая только об этом — скрыться уже от гнёта чёрных, слегка воспаленных от недосыпа глаз. — Пойду к себе.

Удирай, Адель. Не нарывайся на неприятности. И обязательно оденься.

Я сделала пару шагов и застыла как вкопанная, потому что то, что я увидела, буквально парализовало.

От лица разом отлила кровь, а горло стянуло кольцом спазма, как при приступе астмы.

Нет, пожалуйста, пусть мне просто показалось. Пожалуйста!

Только не это!

— Адель? — Найк поднял голову ещё выше, и теперь в его глазах читалась тревога. — Что с тобой?

— Там... — хрипло прошептала я, по-прежнему боясь да-

же дышать. — Там... она, — указала немигающим взглядом на предмет, который привёл меня в ужас, но Найк, по-моему, попросту не заметил этот знак.

— Кто — она? — он сел, и от резкости его движения я едва не рухнула в обморок.

— Не шевелись!

— Не понял.

— Не. Шевелись! — по буквам повторила я и медленно, просто чрезвычайно медленно протянула руку вправо, потому что знала, что там, на краю стола, лежит кухонный нож. — Там змея.

— Какая ещё змея? — он нахмурился и наконец-то перевёл взгляд с меня на пол.

В углу у двери лежала, свернувшись в тугой комок, самая что ни на есть настоящая змея. Пятнистая, блестящая и до умопомрачения жуткая. Её узкая, как наконечник стрелы, голова слегка покачивалась из стороны в сторону, как и тоненький кончик хвоста.

Она словно сидела в засаде, выжидая удобный момент, чтобы кинуться на мои голые ноги.

— Это гадюка, да? — прошептала я, глотая окончания, по-прежнему не сводя глаз с ползучего гада. — Она ядовитая?

— Стой смирно, — вместо ответа скомандовал Найк и резко, настолько, что я не успела ничего понять, подорвался прямо к гадюке и точным движением схватил её чуть ниже

ГОЛОВЫ.

Я не могла поверить своим глазам.

Змею! Голыми руками!

Божья тварь сразу же раскрыла пасть и выпустила на волю мерзкий раздвоенный язык, а потом начала судорожно размахивать в воздухе довольно длинным хвостом.

— Кажется, это щитомордник, — хмуро рассматривая змею, проговорил Найк.

— Он кусается?

— Не смертельно, но крайне неприятно. Дай мне ключ, — жестом показал на свой диван.

— Какой ещё ключ?

— От двери, Адель. Какой ещё! Он выпал у меня из кармана.

— А зачем тебе ключ?

— Я её выпущу. Или ты предлагаешь мне её убить?

Признаться, когда он схватил змею, первой моей мыслью было именно это – он её задушит. Но он не стал её душить, и это вызвало внутри меня смешанные чувства.

Однажды на территорию нашего загородного дома попала лисица и очень меня напугала, потому что, дезориентированная, она с совершенно безумным видом неслась прямо на меня. Я лежала на шезлонге у бассейна и просто не успела среагировать, за долю секунды смирившись с тем, что вот-вот буду укушена диким животным. Но Герман – охранник отца – убил её одним точным выстрелом в голову. Я была в

шоке, а на лице Германа не дрогнул ни один мускул. Его мимика была беспристрастна, взгляд – пустым. Ему действительно было всё равно.

— Она представляла опасность, — механически отчитался потом он, распоряжаясь убрать лужайку.

Я сочла его выходку ужасной, даже нажаловалась отцу, потому что так нельзя, это же живое существо, на что тот тоже отреагировал вполне спокойно: "или ты, или тебя, Адель, такова жизнь. В подобных ситуациях нет места сантиментам".

С тех пор мне казалось, что вооружённые охранники все такие – бездушные роботы, но Найк неожиданно сломал возникший в моей голове стереотип.

— Сейчас, секунду, — отозвалась я и осторожно, не сводя глаз с зажатой в его кулаке головы змеи, подкралась к дивану и схватила связку ключей.

Когда он открыл дверь, в комнату сразу же залетел холодный порыв ветра. Тучи сгустились настолько, что уже не было видно неба. Стало тревожно. Даже не тревожно – страшно. Не хватало только ливня.

И словно в подтверждение моих мыслей раздался оглушающий в тишине леса раскат грома.

Найк взмахнул рукой и швырнул гадюку куда-то в кусты, словно это не ядовитая змея, а кусок старой верёвки. Потом, покрутив головой, осмотрел территорию и снова захлопнул дверь. Стало темно и очень тихо. Но почему-то было до сих

пор страшно, хотя опасность вроде как миновала. Но эта змея... Боже, сколько ещё мне предстоит здесь испытаний? Ощущение, что меня отправили сюда для того, чтобы проверить на прочность. Сначала травили каким-то газом, потом я чуть не утонула, теперь эта гадюка...

Может, я тайно участвую в каком-нибудь телепроекте "Выживший"? Просто как ещё объяснить всё, что здесь происходит?!

— Ты до сих пор бледная, — сказал Найк, подходя ближе.
— Так сильно испугалась?

Его тон был таким... словно он меня жалеет. А я ненавижу выглядеть жалкой!

— Скажи ещё, что ты совсем не испугался!

— Ну так... было не по себе, — честно признался он, и этого я точно не ожидала. Бравადы, насмешек или в свойственной ему манере игнора, но уж точно не признаний, что и в его броне есть прорехи.

Было уже довольно темно, мы стояли друг напротив друга, как и тогда, когда он сначала бросил меня, а потом вернулся. И как и тогда, мне вдруг снова стало немного не по себе. От такой его нарушающей все границы близости и моей странной реакции на эту близость. Какой-то непонятной, не испытываемой никогда ранее...

— Я бы чего-нибудь выпила. Покрепче, — озвучила промелькнувшую только что мысль, лишь бы скинуть этот неуместный морок. — Смотри, руки до сих пор дрожат.

Подняла ладони вверх – они действительно мелко подрагивали.

Он несколько секунд думал, глядя на мои трясущиеся пальцы, а потом поднял на меня слегка прищуренные чёрные глаза:

— Не маловата ты для выпить?

— Сколько сейчас времени?

Он поднял запястье и взглянул на часы.

— Половина десятого.

— Через два с половиной часа мне исполнится девятнадцать.

И это ещё одна причина, по которой впору было впасть в депрессию. Мой день рождения должен был быть самым лучшим! Там, дома, в шкафу, меня дожидается крутое платье, уже снят вип-зал в клубе, приглашены все друзья... Я готовилась к этому празднику целый месяц, продумывая каждую деталь – и вот я здесь. В этой глуши!

Наверное, выглядела я всё-таки жалко, потому что взгляд его переменялся. Стал более мягким.

— Подожди минуту, я сейчас, — под оглушающий раскат грома он ушёл в конец комнатки и одним резким движением убрал с пола маленький, вязаный разноцветными нитями коврик. А под ним оказался... люк.

— Подай мне фонарь. Там, — скомандовал он, уже забравшись наполовину внутрь ямы. — На подоконнике.

И действительно – на разохшемся подоконнике лежал

небольшой фонарь в гладком чёрном корпусе. И как только я раньше его не заметила...

Когда я протянула руку, мутное небо за окном вспорола ослепляющая молния, и тут же послышался грохот падающих в разлапистую траву тяжёлых капель.

Я подала ему фонарь и опасливо заглянула внутрь погребка — там было очень темно и пахло сыростью. И ещё чем-то... кисло-сладким, как будто что-то долго лежало и в конце концов испортилось. Может, тыква или картофель...

— А там нет, случайно, змей?

— Скоро проверим, — бросил он и, включив фонарь, зажал корпус зубами.

— Подожди! — вскрикнула я, схватив его за рукав футболки. — А вдруг есть? Вдруг она тебя укусит, что мне тогда делать?!

Он как-то странно, чуть задержав взгляд, посмотрел на мою руку на своём плече, а потом, вытащив фонарь, вдруг улыбнулся:

— Не думал, что ты такая трусиха, мажорка.

Я резко отпустила ткань его майки и оскорблённо разогнулась.

— Я не трусиха. Просто если ты откинешься, я долгое время не выберусь отсюда. А выбраться я очень хочу.

— Не волнуйся, я не откинусь. Жди здесь, — он снова вставил корпус фонарика в зубы и довольно быстро спустился по ржавой лестнице вниз...

Пока он был внутри погребца, я решила воспользоваться ситуацией и быстро обыскать его вещи. Вдруг телефон здесь? Плевать на меры предосторожности, я хочу услышать отца. Просто узнать, что на самом деле происходит, и всё. Тридцать секунд, не больше.

В конце концов, я имею на это право!

— Если что – зови! — крикнула я, стрелой метнувшись к его сумке, спрятанной за диваном.

Самая обычная спортивная сумка, ничего особенного – и внутри тоже: какая-то сложенная одежда, перемотанные тонкой резинкой блистеры с лекарством. Портмоне... Я хотела уже было схватить его, может, там внутри паспорт или водительские права, но тут взгляд мой зацепился за кое-что другое...

Пистолет. Тот самый.

Я взяла его в руки и взвесила на ладони. Кажется, заряжен. Опыта тесной дружбы с холодным оружием хватило, чтобы это понять. Спасибо, папа: часы, проведённые в тире на заднем дворе, не прошли для меня зря.

Присутствие в доме ТТ вселяло некую уверенность, но в то же время пугало, ведь в неправильных руках это верная смерть. У меня не было причин не доверять Найку, пока он меня только спасал – уже трижды, но всё равно приятнее, когда оружие есть у тебя, а не у человека, которого ты совсем не знаешь.

В этот момент за спиной послышалось шуршание – он яв-

но выбирался наружу. Я запаниковала: что же сделать с пистолетом? Не пихать же его под нижнее бельё, в конце концов! В конечном итоге сунула его обратно и, быстро застегнув сумку, вернула её на место. В эту же секунду над погребом появилась голова моего секьюрити.

— Ну и что там было? — с преувеличенным интересом спросила я, тем временем лихорадочно соображая, что ответить, если он спросит, что я делала, сидя на полу возле его дивана. Но он, к счастью, не стал ничего спрашивать — подтянувшись на руках, выбрался наружу и аккуратно опустил крышку люка.

— Обычный погреб, там даже осталось несколько банок с соленьями. А ещё вот, — словно по мановению волшебной палочки в его руках нарисовалась покрытая паутиной бутылка с чем-то тёмным внутри.

— Вино, что ли? — обрадовалась я. — Серьёзно?!

Подошла к нему и забрала прохладную бутылку. Она была пыльной и приятно тяжёлой. На лице нарисовалась глупая улыбка. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь меня сможет привести в восторг что-то подобное.

— Ты прямо как волшебник, исполняешь желания.

— Ну, у тебя же день рождения через два с половиной часа, — он улыбнулся мне в ответ. — Дарю, пьянчужка.

— А там штопора, случайно, не было?

— Хочешь открыть прямо сейчас?

— А чего ждать?

— Штопор вряд ли здесь имеется... Впрочем, давай, что-нибудь придумаем.

Он забрал у меня бутылку обратно, и мы вместе пошли на тёмную кухню. И было в этом что-то такое... извращённо-уютное. Этот ливень за окном, полная отрешённость от цивилизации, странный мужчина, который взялся меня защищать.

Я снова вдруг подумала о том, что мы здесь совершенно одни.

А ещё в его сумке заряженный пистолет.

Но об этом я старалась не думать, растворившись в предвкушении занятого вечера...

Часть 10

— Дегустируй. Только не переборщи.

— И это всё? — я скривилась, забирая у него из рук кружку, в которой было меньше половины.

— Хорошего по чуть-чуть.

Переборщишь тут.

Я закатила глаза и осторожно понюхала содержимое — пахло на удивление вкусно: какими-то ягодами, ни намёка на спирт.

— А себе?

— Я не пью на работе.

— Брось, у меня день рождения вот-вот. Если ты меня не поддержишь, я всё расскажу папе, и он тебя уволит.

Найк молчаливо улыбнулся и взял с полки простую железную кружку.

Было уже привычно темно, но странное дело — необходимость в свете как будто отпала, глаза различали очертания предметов довольно чётко. Его я видела очень хорошо, и сейчас он казался особенно огромным в этой тесной комнатке, едва вмещающей нас двоих.

Я наблюдала, как он вытащил из бутылки пробку, дунул в кружку, прогоняя пыль, и налил немного и себе.

— За мои девятнадцать? — я протянула ему свой импро-

визированный фужер, и он прикоснулся к нему краешком своего.

— Ещё не полночь. Не рановато отмечаешь?

— Я не суеверная, — я поднесла кружку к губам и сделала крошечный глоток, пробуя найденное пойло. И оно оказалось просто прекрасным: в меру крепким, не слишком сладким, с приятным абрикосовым послевкусием.

Дождь уютно стучал по немытому годами стеклу, и меня просто катастрофически потянуло поговорить.

— Так странно, ещё совсем недавно мы крутились каждый в своём мире и не были даже знакомы, а теперь ты единственный гость на моём дне рождения.

— Зато такого у тебя точно никогда не было. Будет что вспомнить.

Не то слово. Такое попробуй забыть, впечатлений на две жизни вперёд.

— Кто жил раньше в этом доме? Здесь же явно кто-то когда-то жил.

— Я не знаю.

— Но о том, что здесь есть погреб, ты знал, — отметила я, но совсем без зла. Я уже поняла, что он не бросится раскрывать мне все свои секреты.

У меня был небольшой опыт дружбы с креплёнными напитками, но кажется, такого "конкретного" вина я ещё не пила. Всего пара глотков – а мозг уже моментально размягчился. Отчего-то стало вдруг та-ак хорошо...

Я откинулась на спинку допотопного стула и, подтянув ноги к груди, обхватила двумя руками бесценную кружку. Найк сидел напротив и вполоборота смотрел на бушующую за окном непогоду.

Почему я никогда не обращала внимания, какой у него красивый профиль? Именно такой, какой надо. Мужской. Я не слишком любила растительность на лице, но ему очень шло, выглядел он взросло и очень брутально.

Почему он не смотрит на меня? Не то чтобы я этого так уж хотела, но просто мы здесь совсем одни, он мужчина, я женщина. Неужели происходящее в окне намного интереснее? Кроме того – его взгляда на мои ноги я вообще не заметила, как и какого-либо особенного интереса в свою сторону, и это... задевало, что ли. Обычно парни голову сворачивали – да в том же универе, а тут практически полный игнор.

А тот эпизод, когда он меня голую на руках тащил? Голую! Вообще без одежды! Да Архип бы слюной изошел, каждая наша встреча с ним начиналась с намёков, не созрела ли я случайно. А этот...

— Ты гей?

Не знаю, как так вышло, вопрос слетел с губ сам собой.

Найк наконец-то повернул голову в мою сторону.

— Нет. С чего вдруг такие выводы?

— Ну, не знаю... — дёрнула плечом и сделала ещё один приличный глоток. — Просто спросила. Сейчас же модно быть геями.

— Я не слежу за модой, — ухмыльнулся он и одним махом допил всё содержимое. Затем поднёс руку ближе к лицу и взглянул на болтающиеся на запястье часы. — Я сейчас вернусь.

— А ты куда? — я подорвалась следом за ним в коридор.
— Там же ливень!

— Нестрашно.

Накинув куртку, он достал из кармана ключ и открыл дверь, запустив в дом непогоду. Порог тут же стал мокрым, и ощутимо повеяло холодом.

— Можно с тобой? Я боюсь оставаться здесь одна! — я уцепилась за его куртку, вынудив обернуться.

— Я скоро вернусь. Бояться нечего. Всех змей я ликвидировал.

— Почему бы просто не рассказать правду, я пойму, не такая я уж и дура, если ты успел заметить. Ты идёшь звонить моему папе, да? Пожалуйста, можно я хотя бы послушаю его голос, я не буду мешать!

— Адель, не веди себя как маленькая, — оборвал он меня — не зло, просто очень твёрдо. — Ты же знаешь, что всё очень серьёзно? Знаешь же?

— Знаю...

— Тогда просто делай то, что тебе говорят, хорошо? Так будет лучше для всех нас.

— Ты всё-таки идёшь звонить!

— Да, я иду звонить, — честно признался он и аккуратно

снял с себя мою руку, но отпустил не сразу – оставил согреться в ладони. — Я уже говорил, что отвечаю за тебя головой, пожалуйста, не мешай мне делать мою работу. Хорошо?

Тембр его голоса был тихим, но очень доходчивым. Таким, с которым не хотелось спорить.

— Хорошо, — нехотя согласилась я, но не смогла не поторговаться: — Но тут так темно... мне правда страшно одной. Я понимаю, что мы сидим здесь в темноте не просто так, нам нельзя палиться, но... я грозы боюсь. Реально боюсь, с самого детства.

Он тяжело вздохнул и быстрым движением облизал губы, и почему-то я только сейчас увидела, какие они у него чувственные. Яркие. Даже в темноте.

Глупость какая-то, но я вдруг подумала о том, что было бы интересно узнать, как он целуется. Я никогда не целовалась со взрослыми мужчинами, подружки рассказывали, что они очень опытные и творят такое...

— В ящике на кухне лежат свечи, — сдался. — Там же спички. Только у окна не зажигай.

— Одежда откуда ни возьмись, вино, свечи... Может, у нас тут где-нибудь кабельное завалялось, а я до сих пор не знаю?

Он снова улыбнулся, блеснув в темноте белизной зубов, и я вдруг испытала какое-то странное, совершенно неконтролируемое желание проверить, правы ли были подружки.

Давай, Адель, ну когда ещё?! Завтра ты проснешься со свежей головой – и всё, момент упущен! Сделай хотя бы раз

в жизни что-то по-настоящему сумасбродное!

И я сделала. Не давая себе ни мгновения передумать, встала на цыпочки и поцеловала его в сомкнутые губы.

Первый мой настолько безбашенный поступок. Я поцеловала мужчину! Сама!

Кажется, подобного поворота он не ожидал – его рука, которая до сих пор сжимала мою ладонь, напряглась, и сам он напрягся, но не оттолкнул...

— Ты чего это, мажорка? — в его голосе мелькнула улыбка, когда я всё-таки отлипла от его губ. — Ты напилась, что ли?

— Это от страха. Ну, знаешь, отложенный шок и всё такое, — пропищала я, испытывая неловкость и какое-то странное чувство... замешательства, наверное. Замешательства, связанного именно с ощущениями от этого секундного поцелуя.

Я много раз целовалась с Архипом и с несколькими парнями до него, но этот поцелуй был совсем другим. Каким-то особенным. Может, меня так впечатлило то, что я проявила инициативу сама, а может, то, что он мне не ответил так, как я успела себе нафантазировать.

Мне – и не ответил. Я что, такая страшная?

Но даже больше меня смутило внутреннее восприятие этого поцелуя. Какое-то странное, сумбурное желание – от удрать поскорее от него подальше до вцепиться в воротник его куртки и всё-таки поцеловать по-настоящему.

Почему? Почему он мне не ответил?

— Ты женат, да? — вдруг спросила я, надеясь, что голос не звучит очень уж жалко. Хотя это были пустые волнения — интонации тонули в шуме ливня из открытой двери.

— Нет, я не женат, — отрезал он и шагнул за порог. — Я скоро вернусь.

Хлопнула дверь, раздался поворот ключа.

Я готова была заскулить от нелепости произошедшей ситуации.

Наверняка он теперь решит, что я чокнутая малолетка, которая понюхала пробку от вина и поплыла. Впрочем, глупо, конечно, вот так вешаться на практически незнакомого мужчину, но я и не вешалась, а только хотела проверить, правы ли были девчонки. И всё. Жаль, что не выяснила до конца...

Я выглянула в окно, пытаясь увидеть хотя бы силуэт Найка, но не увидела ничего, кроме стены ливня — действительно лило как из ведра. Было темно и немного жутко. Он только ушёл, а я уже хотела, чтобы он поскорее вернулся. Он хоть и ужасный молчун, но с ним мне гораздо спокойнее.

А ещё у него потрясающие губы, — мелькнула дурацкая мысль, и я отмахнулась от неё, как он назойливой мухи.

Я вернулась на кухню и нашла-таки свечи. Пусть хоть и с тусклым светом, но однозначно стало спокойнее, хоть и не до конца — чувство тревоги по-прежнему не отпускало. Как-то оно навалилось всё... Это дурацкое покушение как раз перед моим днём рождения, полная неизвестность. Тупость Архи-

па...

Странно, но эти дни я вообще не думала о нём, а если и мелькала мысль, то что-то вроде: надеюсь, он там локти кушает, куда же я исчезла. И всё. В душе было совершенно пусто, никакого отклика даже на всплывающее в памяти имя.

Что мы вообще тогда делали эти месяцы вместе? Для чего это надо было? Я же совсем его не люблю. Да меня от секундного недопоцелуя с левым мужиком торкнуло даже сильнее, чем от двухчасовых лобызаний со своим парнем!

Эта истина явилась словно озарение. Не нужен мне Архип. Как только вернусь домой, окончательно с ним порву. Да, может быть, отец немного подуется, всё-таки он рассчитывал, что я стану Горской, но это моя жизнь, а не его. И я не буду тратить её на того, к кому нет глубоких чувств.

Решив отметить и это дело тоже, я откупорила бутылку и налила себе в кружку ещё вина. Прихлёбывала в одиночестве, то и дело оборачиваясь на дверь и... волнуясь, что Найка так долго нет.

А ведь реально его не было ну слишком долго! О чём там можно так много говорить? Может, там, в городе, случилось что-то из ряда вон?

Главное, чтобы с папой всё было в порядке, хотя, зная моего папу, иначе быть просто не могло.

А если он не возвращается, потому что что-то произошло конкретно с ним самим? Мало ли, на улице ночь, ливень, незнакомый лес...

Я прислушалась к своим ощущениям и вдруг поняла, что в первую очередь меня больше волнует, чтобы ОН был в порядке. Чтобы ему не упало на голову дерево, он не провалился в яму, не попал в какой-нибудь капкан. То, как я буду выбираться отсюда в случае его исчезновения, меня почему-то волновало уже во вторую очередь. И это было ужасно странно, потому что и окружающие, и я сама считали меня эгоисткой.

Тикали мысленные часы, отбавлялось вино, я волновалась всё сильнее, а он по-прежнему не приходил.

Где его носит, чёрт побери?! Разве можно заставлять человека так волноваться?

Фантазия рисовала жуткие картины, одна страшнее другой. Я ходила туда-сюда по крошечной прихожей, отпивая вино и прислушиваясь к звукам за дверью. Иногда мне казалось, что я слышу шаги, но никто не приходил... Невыносимо долго. А потом наконец-то я услышала долгожданный поворот ключа...

— Ты где был?! — вскинулась я, едва он только переступил порог. С капюшона лило как из ведра, на подошвах кроссовок налипли комья раскисшей грязи. — Почему так долго? Я тут с ума сходила!

— Меня не было чуть больше часа, — устало произнёс он и, воюя с мокрыми рукавами, снял куртку, бросив её в угол, где совсем недавно прохлаждалась гадюка. — Там осталось вино?

— Ты же не пьёшь на работе.

— Сегодня пью, — он, не спрашивая, взял их моих рук кружку и одним махом допил содержимое. Свет свечи был совсем тусклым, но я видела, как было напряжено его лицо, гораздо сильнее, чем утром.

Вернув кружку, он вытащил из-под ремня футболку и через мгновение она оказалась там же, где и куртка.

Всё как-то не так, он какой-то другой. Что происходит?!

— Случилось что-то плохое? — спросила я, стараясь изо всех сил не смотреть на его блестящий от воды торс. — Только не ври, я же вижу.

— Скажем так – ничего хорошего, — "успокоил" он, и обтекаемая формулировка ответа напугала меня даже сильнее, чем если бы он подтвердил мои опасения.

Я подошла к нему, приблизившись почти вплотную, и дотронулась рукой до его плеча – оно было прохладным и мокрым. И даже несмотря на такую накалённую обстановку, я поймала себя на мысли, что мне приятно его трогать.

— Что-то с моим отцом, да? Пожалуйста, скажи мне правду. Он тоже был вынужден бежать?! Его ранили или... Что?! Умоляю, Найк, не молчи!

— Так сильно любишь своего папочку?

Его неожиданный вопрос поставил в тупик.

— В смысле? Конечно, люблю, он же мой папа. И он любит меня...

— Я бы не был так в этом уверен, — отрезал он и, остав-

для грязные следы на дощатом полу, пошёл на кухню. Кружку брать не стал – сделал несколько глотков прямо из бутылки. — Прости, Адель, но твой отец полный мудака.

В первую секунду показалось, что сказанное им мне просто послышалось, настолько подобные слова не лепились к его железобетонному образу.

Я взяла с подоконника стакан со свечой и, обходя комки мокрой земли, притормозила у входа в кухню.

— Что ты несёшь такое? Ты что, пьяный? Или накурился по пути какой-то мути?

— Я говорю так, как оно есть на самом деле. Твой отец – расчётливая скотина, которая готова поставить на кон жизнь единственной дочери, лишь бы не лишиться своих бабок и статуса, — он сделал ещё глоток, а потом перевёл на меня взгляд, полный сожаления. — Прости за правду, но ты сама просила.

Он ненормальный... Меня вдруг осенило. Сумасшедший! Может, он из тех, кто недавно вернулся из Сирии, у них же там напрочь кукушки посносило. Всё нормально было, а тут перемкнуло. Я читала такие истории в сети, да что говорить, дядя моей одноклассницы воевал в Чечне, а когда вернулся, зарезал свою жену, а потом сам повесился на чердаке.

Вдруг и Найк тоже...

Я знала, что отец отбирает в свой штат людей очень тщательно, но никто не может предусмотреть человеческий фактор. Именно здесь, видимо, вышла досадная осечка.

Как мне на всё это реагировать? Что сказать или ничего не говорить вообще?

Как назло, выпитое путало мысли и тормозило реакцию... а теперь и он пьёт. А если он вытворит что-то под градусом? Например... со мной?..

Если ещё недавно фантазия о поцелуе с ним не давала покоя, то теперь эта перспектива не казалась мне такой уж заманчивой. Я поняла, что вообще не знаю этого человека.

Мысль он том, что он сказал о моём отце правду, не посетила ни разу. Потому что это полный бред! Я точно знала, что мой отец очень меня любит, и он хороший человек. Что бы там ни писали о нём в своих жёлтых продажных статейках – это бессовестное враньё! Я была на все сто процентов уверена, что если бы был выбор – его бизнес или я, он не раздумывал бы даже секунды. И вообще, с чего вдруг ему делать такой выбор? Я здесь, в безопасном месте, он это знает. Он сам отправил меня сюда с этим...

Неожиданная мысль пронзила словно стрелой. Острая, ужасающая. Настолько безумная, что перехватило дыхание и закололо в висках.

Я опустила взгляд на его грязную мокрую обувь... Обувь – вот что неуловимо смутило меня с первых же минут нашей встречи. Почему на нём обычные беговые кроссовки, а не более подходящие случаю берцы? Классическая форма омовца – и вдруг эти чёрные кроссовки с белой галочкой сбоку...

Кроссовки...

Найк.

"— Кстати, как тебя зовут?"

— Найк.

— Как? Разве есть такое имя?"

— Как видишь."

Я подняла на него полные ужаса глаза. Он, чуть ссутулившись, сидел за столом и молча прихлёбывал найденное в погребке вино.

Ну нет, этого не может быть. Просто не может!

Губы онемели от шока, но я всё-таки смогла выдавить из себя вопрос, который точно расставит все точки:

— Как зовут собаку моего отца?

— Что? — он поднял на меня усталый взгляд.

— Собаку. Моего. Отца, — чеканя каждое слово, повторила я. — Как её зовут?

— Я не знаю, как её зовут. Я вообще понятия не имел, что у твоего отца есть собака.

Я едва удержалась, чтобы не вскрикнуть — уронив стакан со свечой, закрыла рот обеими руками и отошла на два шага назад.

— Адель, да что с тобой? Снова увидела змею?

— Стой! — крикнула я, когда он захотел подняться.

Воспользовавшись его секундным замешательством, рва-

нула к столу и схватила нож, а потом снова отбежала назад, удерживая оружие в вытянутой дрожащей руке.

— Стой где стоишь, иначе я тебя убью!

Меня трясло, но я была уверена, что сделаю это.

— Адель, возьми себя в руки, ладно? — он вытянул ладонь, успокаивая меня. — Всё хорошо, видимо, у тебя действительно запоздалый шок. Конечно, на тебя столько всего навалилось. Положи нож, это не игрушки.

— Каждый человек из окружения папы знает кличку его собаки. Каждый! Даже мужик, который по утрам вывозит мусор! Старый полуслепой мопс, которого отец никогда не спускает с рук. Это была мамина собака!

— Я никогда не видел никаких собак.

— Потому что ты никогда не работал на моего отца. И зовут тебя не Найк, — я отошла ещё на шаг и посмотрела на него будто впервые. — Кто ты такой?!

Часть 11

Казалось, что даже время застыло и окружающие звуки стали неимоверно громкими: шум ливня за окном, бегущая по водостоку вода, шелест мокрой листвы.

Он смотрел на меня, не отрываясь, смотрел открыто, но не зло, а как будто бы даже... печально. Словно, рассматривая меня, он жалел о чём-то. И он совершенно не боялся. Ни меня, ни ножа в моих руках.

— Положи нож, Адель, — устало повторил он. — Ты можешь пораниться.

— Кто ты такой? — я тоже повторила свой вопрос, до сих пор приходя в себя от обрушившейся на голову истины.

Как я сразу не догадалась? Почему? Ведь всё было таким очевидным! Ничего не срасталось с самого начала, но я словно слепая идиотка верила всему, что он нёс. Ладно, может, и не всему, иногда в моих куриных мозгах проскальзывали проблески здрав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.